

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ THE NEW YORK TIMES

ВОЛ'ДЖИН

ТЕНИ ОРДЫ

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З З А Р Д

МАЙКЛ О. СТЭКПОЛ

Майкл О. Стэкпол
World of Warcraft:
Вол'джин. Тени Орды
Серия «World of Warcraft»
Серия «Легенды Blizzard»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64585381

World of Warcraft: Вол'джин. Тени Орды:

ISBN 978-5-17-115330-4

Аннотация

Убийцы, посланные Гаррошем Адским Криком, нападают на тролля Вол'джина, храброго предводителя племени Черного Копья, и оставляют его на пороге смерти. Но судьба улыбается раненому воину: хмелевар Чэнь Буйный Портер находит старого друга и перевозит на лечение в безопасное место – уединенный горный монастырь на легендарном континенте Пандария. Там, постепенно выздоравливая, Вол'джин борется со старой ненавистью, тлеющей между Альянсом и Ордой – бок о бок с таинственным человеком, так же восстанавливающимся после ранений.

Однако неприятности Вол'джина на этом только начинаются. Вскоре он оказывается втянут во вторжение на Пандарию, которым руководят зандалары – легендарное племя троллей,

ведомое мечтой о победах и военной мощи и поддерживаемое легендарной, полумифической расой. Они предлагают Вол'джину шанс вновь обрести славу, которая принадлежит каждому троллю по праву рождения. И предложение это вдвое заманчивее после подлого предательства Гарроша. Выбор, который сделает Вол'джин, может спасти его народ... или обречь троллей на прозябание под жестокой пятой вождя Орды.

Содержание

1	10
2	23
3	40
4	51
5	63
6	75
7	87
8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Майкл О. Стэкпол

World of Warcraft:

Вол'джин. Тени Орды

© 2017 MARVEL

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Той ночью видения насмехались над Вол'джином.

Он оказался среди бойцов и знал каждого из них. Темный охотник собрал их для последнего нападения на Залазана, чтобы покончить с его безумием и освободить острова Эха для Черного Копья. Каждый из бойцов перенял свойства кубика дзихуи, грани с максимальной силой. Брандера среди них не оказалось, но это не удивило Вол'джина.

Брандером был он, но еще не перевернутым до значения максимальной силы. Этот бой, хоть и отчаянный, был не тем, где он уничтожит сам себя. При помощи Бвонсамди они сразят Залазана и отобьют острова Эха.

– Кто ты такой, тролль, чтобы помнить об этом героическом побоище?

Вол'джин обернулся, услышав стук кубика, ложившегося новой гранью. Он почувствовал себя пойманным в этом кубике, пусть и прозрачном, и с изумлением увидел, что ни на одной его грани не обозначено достоинство.

– Я Вол'джин.

В сером мире из кружащихся туманом стен материализовался Бвонсамди.

— И кто есть такой этот Вол'джин?

Вопрос потряс его. Вол'джин из видения был предводителем Черного Копья — но его больше нет. Возможно, вести о его гибели еще не достигли Орды, но скоро достигнут. В глубине души Вол'джин надеялся, что его союзники задержатся, и Гаррош лишний день будет сомневаться в успехе своего плана.

Но это не отвечало на вопрос. Он больше не предводитель Черного Копья, если говорить по правде. Возможно, собратья когда-нибудь признают его вновь, но сейчас Вол'джин не мог отдавать приказы. Его племя будет сопротивляться Гаррошу и любым попыткам Орды его покорить, но в отсутствие своего вождя может прислушаться к послам, предлагающим защиту. Возможно, он уже их потерял.

«Кто я?»

Вол'джин содрогнулся. Хотя он считал себя лучше Тиратана Кхорта, человек хотя бы стоял на ногах и не носил балахон больного. Человека не предал соперник, не наслал на него убийц. Человек явно перенял некоторые обычаи пандаренов.

И все же Тиратан колебался, когда не стоило этого делать. Отчасти он играл, чтобы пандарены его недооценивали, хотя Вол'джин разгадал эту уловку. Но другие моменты — например, когда он заколебался после комплимента Вол'д-

жизни его ходу, они были настоящими.

«А не те, какие человек позволяет себе показывать».

Вол'джин поднял взгляд на Бвонсамди.

– Я есть Вол'джин. Ты знаешь, кем я был. Кем я буду?

Этот ответ может найти лишь Вол'джин. И пока что, Бвонсамди, этого достаточно.

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc. Все права защищены.

Vol'jin: Shadows of the Horde, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

Всем игрокам в World of Warcraft, которые сделали этот увлекательный мир еще веселее.

(Особенно всем тем, кто – пусть даже случайным баффом – не раз спасал мне жизнь)

ПАНДАРИЯ

МОНАСТЫРЬ
ШАДО-ПАН

ДЕРЕВНЯ
ЦЗОУЧИН

ВЕРШИНА
КУНЬ-ЛАЙ

НЕФРИТОВЫЙ
ЛЕС

ТАНЛУНСКИЕ
СТЕПИ

ДЕРЕВНЯ
БИНАН

ДВОРЕЦ
МОГУ'ШАН

ВЕЧНОЦВЕТУЩИЙ
ДОЛ

ДРЕВНИЙ
ПРОХОД

КЛАДБИЩЕ
ТУ-ШЭНЬ

Хмелевар Чэнь Буйный Портер не мог навскидку представить ничего, что было бы ему не по нраву в этом мире. Правда, кое-что нравилось явно меньше других вещей. Например, он не очень любил ждать перед снятием пробы, пока забродит и созреет свежая партия хмеля. Не потому, что не терпелось узнать вкус – он и так знал, что вкус будет фантастический. А вот тяготило его в ожидании то, что возникало свободное время на обдумывание идей новых рецептов, с использованием новых ингредиентов, и хотелось немедленно окунуться в работу.

Но варка требовала времени и заботы. Пока все оборудование в хмелеварне занято на этой партии, оставалось только

ждать. А это значило, что надо найти, чем себя занять, иначе ожидание, планирование и мысли-о-варке сведут его с ума.

Во внешнем мире, в землях Азерота, отвлечься было просто. Всегда найдется тот, кому ты не нравишься, или голодное создание, которое хочет тобой полакомиться. Заботы по отваживанию тех и других чудесно занимают праздный ум. А еще места, которые когда-то были – или становились – весьма странными и пугающими, но могли вновь принять прежний, обычный вид... В странствиях он насмотрелся и на такие, и на многие другие, а некоторые даже помогал преобразить.

Чэнь вздохнул и перевел взгляд на середину сонной рыбацкой деревеньки. Там его племянница, Ли Ли, играла с десятком детенышей из деревни Бинан – большинство из них были местными, некоторые – беженцами. Чэнь не сомневался, что она намеревалась рассказать им о своих путешествиях на Шэнь-Цзынь Су, Великой Черепахе, но по ходу повествования планы Ли Ли пошли насмарку. Хотя, может, она все же рассказывала именно эту историю, но заручилась помощью слушателей, чтобы разыгрывать сценки по ходу дела. И тут явно началась какая-то битва – судя по тому, как ее с головой завалила ватага юных пандаренов.

– Все в порядке, Ли Ли?

Стройная девочка каким-то чудом вынырнула из бурного моря черно-белого меха.

– Все замечательно, дядя Чэнь! – но досада в ее глазах

противоречила сказанному. Ли Ли наклонилась, поймала одного тощего мальчишку из стаи, отбросила в сторону и тут же скрылась под волной визжащих детенышей.

Чэнь подумал было вмешаться, но остановился. Здесь Ли Ли не грозила настоящая опасность, и у нее сильная воля. Если племяннице понадобится помощь, рано или поздно она о ней попросит. Вмешиваться раньше – значит, навести ее на мысли, будто дядюшка сомневается в ее способности постоять за себя. Она будет дуться, а Чэнь просто ненавидел, когда Ли Ли так делала. Еще возмутится и отправится доказывать, что в состоянии сама позаботиться о себе, и вот тогда может угодить в неприятности посерьезнее.

Хотя основным доводом хмелевара в пользу невмешательства был именно этот, лишний повод остаться в стороне дали перешептывания и цоканья языком от двух сестер Чан. Они были такими старыми, что помнили, как Лю Лан впервые покинул Пандарию, – по крайней мере, так уж они говорили. Хоть в мехе сестер виднелось больше белого, чем черного – не считая участков под глазами, которые они специально подкрашивали, – Чэнь считал, что не так уж они и стары. Всю жизнь эти особы провели в Пандарии, и совсем недолго пробыли в обществе тех, кто жил на Скитающемся острове. У степенных дам выработалось свое мнение о тех, «кто гоняется за черепахой», и Чэнь любил их озадачивать, когда вел себя не так, как они ожидали.

Ли в их глазах была всего лишь одной из «диких собак

черепахи». Импульсивная и практичная, легкая на руку и немного склонная переоценивать свои способности, девочка была ярким образцом пандарена, принявшего философию Хоцзинь. Она обладала характером того самого авантюрного склада, который позволял отплывать прочь на черепахе или путешествовать по Запределью. Такое поведение, на взгляд сестер Чан, попросту негоже одобрять или хвалить.

Как и тех, кто подобным занимался.

Чэнь, будь он по природе склонен что-нибудь не любить, наверняка не любил бы сестер Чан. Однако на самом деле он даже проникся к ним симпатией, и уже давно. Отстроив хмелеварню Буйного Портера и создав рецепты нескольких прекрасных напитков, он странствовал по Пандарии, чтобы больше узнать о месте, которое, как он решил, будет его домом. И во время странствий увидел их – двух старых дев – на маленьком огороде, за годы осады яунголов заросшем сорняками, и предложил помощь.

Ответа он толком не дождался, но все равно сделал свой вклад в хозяйство. Чэнь чинил заборы и полол сорняки, развлекал правнуков сестер, дыша огнем, подметал, таскал воду, заготавливал дрова и даже выложил новыми камнями дорожку перед дверью. Всем этим он занимался под неодобрительными взглядами сестер только потому, что за неодобрением читал в их глазах изумление.

Он работал долго и усердно, не слыша ни слова похвалы, пока, наконец, их голоса не раздались впервые. Они говори-

ли не с ним и не о нем. Они говорили друг с другом, но в его сторону. Старшая сказала: «Отличный день для тигрового гурами». Младшая лишь кивнула.

Чэнь понял, что это приказ, и подчинился. Выполнил он все аккуратно. Выловил трех гурами в океане. Первую рыбу забросил назад, последнюю оставил для сестер, а самую большую отдал беженцам – жене рыбака, чей супруг все еще числился среди пропавших без вести, и ее пяти детенышам.

Он знал, что отдать сестрам первую же рыбу – знак поспешности. Отдать все три – показать, что он подвержен демонстративной гордыне. Отдать самую большую, которую они бы все равно не съели, – показать отсутствие тактичности и расчета. Но своим поступком он демонстрировал разумность, заботу и щедрость.

Чэнь понимал, что его дела с сестрами не принесут ему их дружбы или покровительства. Многие знакомые, которых он встретил в путешествиях, называли бы их неблагодарными и прошли мимо. Но для Чэня они были способом больше узнать о Пандарии и тех, кто станет его соседями.

«Может, даже моей семьей».

Если Ли Ли была образцом философии Хоцзинь, то сестры Чан представляли собой идеальных верующих в Тушуй. Они больше времени уделяли созерцанию, мерили поступки по идеалам справедливости и морали – хотя, скорее всего, опирались на узколобые, провинциальные, деревенские версии этих великих понятий. Более того, обширные поня-

тия справедливости и морали вполне могли бы показаться таким, как сестры Чан, слишком претенциозными.

Чэню нравилось считать, что сам он твердо стоит посередине. Он исповедовал и Хоцзинь, и Тушуй – или, как минимум, убеждал себя в этом. Если же говорить трезво, путешествуя по большому миру, он склонялся к Хоцзиню, а здесь, в Пандарии, с ее пышными долинами и высокими горами, где большинство существ ведет простую жизнь, в самый раз приходилась Тушуй.

В глубине души Чэнь знал, что на самом деле как раз от этого ему и нужно отвлечься. Дело не в новых проектах для варки, а в понимании, что однажды ему придется выбрать ту или иную философию. Если Пандария станет его домом, если он найдет жену и заведет семью, дни приключений закончатся. Он просто станет веселым хмелеваром, облаченным в фартук вместо брони, будет торговаться с крестьянами за стоимость зерна и с покупателями – за стоимость кружки.

«И это не плохая жизнь. Вовсе нет, – думал Чэнь, аккуратно складывая поленницу для сестер. – Но будет ли этого достаточно для счастья?»

Новый визг детенышей привлек его внимание. Ли Ли лежала и не поднималась. В хмелеваре что-то вспыхнуло – древний зов битвы. О, у него было столько историй о великих схватках! Он сражался бок о бок с Рексаром, Вол’джином и Траллом. Спасти племянницу – ничто по сравнению с теми битвами (и пересказ баек о тех подвигах сделает его

хмелеварню очень популярной), но активные действия подпитывали в его душе нечто...

Нечто, противоречащее философии Тушуй.

Чэнь подбежал и нырнул в кипящую кучу тел, хватая детенышей за загривки, а потом разбрасывая налево и направо. Они – сплошь мышцы и мех – скакали, катались и извивались. Парочка врезалась друг в друга, и те части детенышей, что должны были касаться земли, обратились к небу. Однако они быстро пришли в себя, распутались и вскочили на ноги, готовые нырнуть обратно.

Чэнь рыкнул с правильной смесью мягкого предупреждения и нешуточной угрозы.

Детеныши застыли.

Взрослый пандарен выпрямился, и большинство детенышей инстинктивно повторили за ним это движение.

– Что это у вас тут происходит?

Один из детенышей посмелее, Кенг-на, показал на лежащую Ли Ли.

– Госпожа Ли Ли учила нас драться.

– Я здесь видел не драку. Я видел свалку! – Чэнь преувеличенно серьезно покачал головой. – Так не пойдет, ни в коем случае, особенно если вернутся яунголы. Вам надо учиться как следует. Ну-ка, готовься! – Чэнь, отдав приказ, встал по стойке «смирно», и детеныши идеально последовали его примеру.

Чэнь с трудом скрывал улыбку, пока отряжал детенышей

– по одному и в группах – за хворостом, за водой, за песком для дорожки сестер и метлами, чтобы разровнять песок. Потом резко хлопнул лапами, и они метнулись по своим заданиям, как стрелы, пущенные из натянутых луков. Хмелевар дождался, пока они все исчезнут, и только потом протянул лапу Ли Ли.

Она посмотрела на нее, презрительно наморщив носик.

– Я бы победила.

– Конечно, но дело-то было не в этом, правда?

– Правда?

– Нет, ты учила их боевому товариществу. Теперь они – маленький отряд, – Чэнь улыбнулся. – Немного муштры да разделения труда – и из них еще выйдет толк.

Последнюю фразу он произнес несколько громче специально для сестер, поскольку они тоже увидели в этом преимущество.

Ли Ли взглянула на его лапу подозрительно, но все же приняла ее и крепко встала на ноги. Поправила халат и заново завязала пояс.

– Хуже, чем банда кобольдов.

– Ну, конечно. Они же пандарены, – и это он сказал погромче, чтобы сестры Чан осознали и этот момент. Затем понизил голос. – Восхищаюсь твоей сдержанностью.

– Ты не шутишь. – Она потеряла левую руку. – Кто-то даже кусался.

– Как тебе прекрасно известно, в драке *всегда* кто-то ку-

сается.

Ли Ли задумалась на миг, потом улыбнулась:

– От этого никуда не денешься. И спасибо.

– За что?

– За то, что раскопал.

– О, это все мой эгоизм. Мне уже надоело сегодня трудиться. Груммелей, чтобы помочь, здесь нет, так что я снарядил твою маленькую армию.

Ли Ли подняла бровь.

– И ты меня не дурачишь?

Чэнь поднял голову и посмотрел на нее сверху вниз.

– Ты же не воображаешь, будто бы я подумал, что моей племяннице, тренированному знатоку боевых искусств, понадобится помощь с детенышами? В смысле, если б я так и подумал, я бы тебе даже помогать не стал. Ты была бы мне не племянница.

Она помолчала, наморщив личико. Чэнь смотрел на быстрое движение ее глаз и понимал, что Ли Ли прикидывает все в уме и проверяет логику его слов.

– Ладно, да, дядя Чэнь. Спасибо.

Чэнь рассмеялся и закинул ей руку на плечо.

– Утомительная это работа – иметь дело с детенышами.

– Это верно.

– Конечно, мне-то самому приходилось иметь дело только с одним, но и с ней был забот полон рот.

Ли Ли ткнула его локтем под ребра.

– И был, и есть.

– И я не мог бы гордиться ею больше, чем уже горжусь.

– Мог бы, – племянница вывернулась у него из-под руки. – Ты разочарован, что я не попросилась работать с тобой в хмелеварне?

– Откуда эти мысли в твоей голове?

Она неловко пожала плечами и бросила взгляд в сторону долины Четырех Ветров, где стояла хмелеварня Буйного Портера.

– Когда ты там, ты счастлив. Я это вижу. Ты так ее любишь.

Чэнь хитро улыбнулся.

– Люблю. А хочешь знать, почему я не попросил тебя прекратить путешествия и присоединиться там ко мне?

Лицо Ли Ли просветлело.

– Да, хочу.

– А потому, дражайшая моя племянница, что мне нужен партнер, который все еще странствует по миру. Если мне понадобится дуротарский мох из недр пещер, кто его принесет? Да по хорошей цене? Хмелеварня означает ответственность. Я не могу покидать ее на месяц или год. Значит, мне нужен тот, кому можно доверять. Тот, кто однажды может вернуться и принять мое дело.

– Но я не гоюсь в такие хмелевары.

Чэнь отмахнулся от возражения.

– Оседлых хмелеваров всегда можно нанять. Но только

Буйный Портер может управлять хмелеварней. Впрочем, может, я найму хмелевара посимпатичнее, и ты выйдешь за него замуж, и...

– ...и мои детеныши унаследуют дело? – Ли Ли покачала головой. – В следующий раз, когда я тебя увижу, у тебя самого уже будет выводок, не сомневаюсь.

– Но я всегда буду рад видеть тебя, Ли Ли. Всегда.

Чэнь думал, что она его обнимет, и с удовольствием бы ответил взаимностью, если бы не две вещи. Во-первых, наблюдали сестры, а им становилось неудобно от публичного выражения чувств. Во-вторых – что было важнее, – прямо через их огород примчался завывающий Кенг-на с выпученными глазами.

– Мастер Чэнь, мастер Чэнь, там монстр в реке! Большой монстр! Весь синий, с рыжими волосами и страшно ранен. Он цепляется за берег. У него есть когти!

– Ли Ли, собери детенышей. Держи их подальше от воды. Не ходи за мной.

Она уставилась на него.

– Но что, если?..

– Если понадобится твоя помощь, я крикну. Живо, иди, – пандарен глянул на сестер. – Похоже, дело идет к буре. Лучше зайдите в дом. И закройте дверь.

Они несколько мгновений смотрели на него с вызовом, но не произнесли ни слова. Чэнь побежал, срезав путь через огород и сориентировавшись по деревянному ведру, бро-

шенному Кенг-на. Проследить путь мальчишки по примятой траве к речному берегу было несложно, и Чэнь уже почти спустился, когда увидел монстра...

И мгновенно его узнал. *Троль!*

Кенг-на был прав: тролля крепко зацепили. Его одежда висела лохмотьями, и кожа под ней выглядела не очень хорошо. Троль наполовину выполз из реки; лапы с когтями и бивень, воткнувшийся в глину, – вот и все, что его удерживало.

Чэнь припал на колени и перевернул тролля на спину.

– Вол’джин!

Чэнь уставился на тролля и на его растерзанное горло. Если бы не хрип дыхания через дыру в глотке и не кроваво-красная струйка, бегущая из ран, пандарен бы уже решил, что его друг мертв.

«И он все еще может умереть».

Чэнь схватил Вол’джина за руки и вытянул из реки. Это было непросто. Выше по берегу раздался шорох, и затем слева от Вол’джина появилась Ли Ли, помогая дяде.

Глаза пандаренов встретились.

– Мне послышалось, что ты звал.

– Может, и да, – Чэнь наклонился к земле, затем поднял тролля на руки. – Мой друг Вол’джин тяжело ранен. Может, отравлен. Не знаю, что он здесь делает. Не знаю, выживет ли он.

– Это Вол’джин из твоих историй? – Ли Ли широко рас-

крытыми глазами уставилась на изувеченное создание. – Что будешь делать?

– Сделаю все, что смогу, чтобы помочь ему здесь, – Чэнь поднял взгляд на вершину Кунь-Лай и построенный на ней монастырь Шадо-пан. – Затем, видимо, отведу туда и узнаю, не найдется ли у монахов места для очередной моей находки.

Вол’джин, темный охотник из племени Черное Копье, не был способен придумать кошмара страшнее: он не мог пошевелиться. Ни единым мускулом, даже глаз открыть не мог. Руки и ноги словно одеревенели. Что бы их ни связало, оно оказалось тяжелее корабельного троса и крепче стальной цепи. Было больно дышать, особенно глубоко. Вол’джин бы и рад был бросить попытки вдохнуть поглубже, но боль и изнуряющий страх, что он может перестать дышать вообще, заставляли пробовать снова и снова. Пока он страшится не дышать, он жив.

«Вот только жив ли?»

Пока что, сынок, пока что.

Вол'джин мгновенно узнал голос отца, и тут же понял, что слышал его не ушами. Он попытался повернуть голову в направлении, откуда будто бы донеслись слова. Не смог, но его сознание сместилось. Вол'джин увидел своего отца, Сен'джина – он не отставал от сына, но шел, не переступая ногами. Они оба двигались, хотя Вол'джин не знал, как или куда.

«Если я не мертв, значит, я жив».

С другой стороны – слева от него – донесся другой голос, сильный и низкий:

Это решение все еще висит на волоске, Вол'джин.

Троль с усилием переключил свое сознание, чтобы посмотреть в сторону этого голоса. Его изучала безжалостным взглядом устрашающая фигура – в общем и целом троль, но с лицом, показавшимся Вол'джину маской раш'ка. Бвонсамди – лоа, служивший для троллей стражем мертвых, – медленно покачал головой:

Что мне делать с тобой, Вол'джин? Вы, Черное Копье, не даруете мне подношений, как положено. И все же я помог освободить вашу родину от Залазана. А теперь ты цепляешься за жизнь, а должен отдаться на мое попечение. Я что, плохо к тебе относился? Недостоин твоего поклонения?

Вол'джин отчаянно жалел, что не может стиснуть ладони в кулаки – они оставались слабым и вялым окончанием его мертвых рук.

Есть кое-что, что я должен сделать.

Лоа рассмеялся, и смех его обжег душу Вол'джина.

Только послушай своего сына, Сен'джин. Скажи я ему, что его время пришло, он бы мне ответил, что его потребности первостепенны. Как ты вырастил столь непокорного отпрыска?

Смех Сен'джина обратился умиротворяющим, прохладным туманом, чтобы омыть измученное тело Вол'джина:

Я научил его, что лоа уважают силу. Ты жалуешься, что он не приносил жертвы. Теперь ты жалуешься, что он желает получить больше времени на поиск более богатых жертв. Неужели я так тебе наскучил, что тебя должен развлекать мой сын?

Ты думаешь, Сен'джин, он цепляется за жизнь, чтобы послужить мне?

Вол'джин почувствовал улыбку отца.

У моего сына может быть много причин, Бвонсамди. Но тебе должно быть довольно того, что он послужит твоим целям.

Будешь поучать меня, как заниматься моим же ремеслом, Сен'джин?

Что ты, великий дух! Лишь буду напоминать тебе о том, чему ты нас давно учишь ради службы тебе.

По телу Вол'джина мягко пробежал другой смех – отдаленный. Еще один лоа. Высокие пронзительные нотки одного смеха и низкие раскаты другого намекали, что за разговором следят Хир'ик и Ширвалла. Вол'джин позволил себе

почувствовать удовольствие, хоть и знал, что еще заплатит за эту вольность.

Из горла Бвонсамди вырвался рокот.

Если бы было так просто убедить тебя сдаться, Вол'джин, я бы отверг тебя. Ты бы не был моим истинным чадом, не был бы. Но знай, темный охотник: битва, что тебя ждет, страшнее всего, что ты знал раньше. Ты еще пожалеешь, что не сдался, ибо бремя твоей победы сотрет тебя в порошок.

В мгновение ока Бвонсамди исчез. Вол'джин поискал рядом дух отца и нашел его близко, но блекнувшим.

Я вновь теряю тебя, отец?

Ты не можешь потерять меня, Вол'джин, ибо я часть тебя. Сколько ты будешь верен себе, столько и я буду с тобой, – тролль вновь уловил улыбку отца. – И отец, который так гордится своим сыном, как я – тобой, никогда не отпустит такого сына.

Слова отца, хоть они и требовали размышлений, подарили достаточно утешения, чтобы Вол'джин больше не страшился за свою жизнь. Он выживет. Он и дальше будет гордостью отца. А еще он отправится прямоком навстречу страшному уделу, что предвидел Бвонсамди, и справится с ним вопреки всем предсказаниям.

Как только это убеждение утвердилось в его мыслях, дыхание тролля смягчилось, боль притупилась, и Вол'джин провалился в черный колодец покоя.

Когда Вол'джин вновь пришел в себя, он оказался здоровым и невредимым, ощущающим силу в руках и твердо стоящим на ногах. Яростное солнце опаляло его, пока охотник стоял во дворе с тысячами других троллей. Почти все были выше его на голову, но никто об этом не говорил. Более того, казалось, что никто из них его и не замечал.

Очередной сон. Видение.

Вол'джин не сразу узнал это место, хоть и испытывал ощущение, что уже бывал здесь прежде. Или, вернее, *позже* – ибо этот город не поддался натиску окружавших его джунглей. Каменная резьба на стенах оставалась четкой и рельефной. Арки не рассыпались. Камни мостовой не разбились и не были украдены, а ступенчатая пирамида, перед которой все они стояли, не уступила перед жестокостью времени.

Он стоял посреди зандаларов – племени, от которого произошли все прочие племена троллей. С годами они стали выше других – и возвышеннее. В видении они казались не столько племенем, сколько кастой жрецов, могущественных и образованных, прирожденных лидеров.

Но во время Вол'джина их лидерские качества выродились.

«Потому, что их сны заперты здесь».

Это была империя Зандалари на пике своего развития. Она покорила Азерот, но пала жертвой собственной мощи. Жадность и корысть разжигали интриги. Выделялись фрак-

ции. Росли новые империи – вроде империи Гурубаша, которая изгнала троллей Черного Копья Вол’джина. Затем пала и она.

Зандалары жаждали вернуться во времена своего подъема. В то время, когда тролли считались самой благородной расой. В единстве они поднимались до высот, о которых не мог и мечтать кто-нибудь вроде Гарроша Адского Крика.

Вол’джина захлестнуло ощущение магии – древней и могучей, – подсказавшей, почему он видит зандаларов. Магия титанов предшествовала даже этому народу. Она была сильнее, чем они. Как зандалары вознеслись над всем ползучим и жалящим, так титаны были выше них – вместе со своей магией.

Вол’джин двигался через толпу, как призрак. Лица зандаларов светились от устрашающих улыбок – именно такие он видел у троллей, когда гудели трубы и грохотали барабаны, призывая на битву. Тролли созданы для того, чтобы рвать и рубить – Азерот был их миром, и все в нем подчинялось их власти. Хотя Вол’джин мог отличаться от других троллей в понимании того, кого считать врагом, в битве он был не менее яростен и весьма гордился тем, как Черное Копье расправилось со своими противниками и освободило острова Эха.

«Так значит, Бвонсамди насмехается надо мной, посылая это видение».

Зандалары мечтали об империи – и Вол’джин желал луч-

шего своему народу. Но он знал разницу. Планировать бойню просто, а вот создавать будущее куда сложнее. Лоа, любившего кровавые и растерзанные в битвах жертвы, мало привлекало устремление Вол'джина.

Охотник поднялся на пирамиду. С каждым шагом все вокруг становилось более материальным. Раньше он находился в беззвучном мире, теперь же чувствовал, как в камне отдается грохот барабанов. Ветер щекотал тонкую шерсть тролля, трепал волосы. Он нес с собой сладкий запах цветов – аромат чуть более резкий, чем запах пролитой крови.

Барабаны звучали в нем. Его сердце билось в такт. Послышались голоса. Крик снизу. Приказы сверху. Вол'джин отказался отступить, но и не сделал ни шагу дальше. Казалось, будто он поднимается сквозь время – словно возносился из глубины озера к поверхности воды. Если бы он достиг вершины, то оказался бы вместе с зандаларами и почувствовал то же, что и они. Он бы познал их гордость. Он бы вдохнул их мечты.

Он бы стал един с ними.

Но Вол'джин не позволил себе этой роскоши.

Быть может, его мечты, касающиеся Черного Копья, не воодушевляли Бвонсамди, но зато дарили жизнь племени. Азерот, каковым знали его зандалары, уже изменился – сильно и безвозвратно. Открылись порталы. Пришли новые народы. Земли раскалывались, расы извращались, возникло больше сил, чем было известно ранее. Отдельные расы – среди про-

чих эльфы, люди, тролли, орки и даже гоблины – объединились, чтобы одолеть Смертокрыла, создать режим, претивший зандаарам и оскорбляющий их вкусы. Зандаары изголодались по власти над миром, который изменился настолько, что их мечты никогда не станут былью.

Вол’джин осекся. «“Никогда” – слишком сильное слово».

В мгновение ока видение изменилось. Теперь он стоял на вершине пирамиды, смотрел в лица племени Черного Копья. В лица троллям его племени. Они доверяли его познаниям о мире. Если б он сказал, что они могут вернуть славу, что когда-то принадлежала им, они бы последовали за Вол’джином. Если бы он приказал им взять Тернистую долину или Дуротар – они бы подчинились. Племя Черного Копья выплеснулось бы с островов, заставляя все на своем пути склониться перед ними, – просто потому, что он так хотел.

Он бы мог. И знал, как. К нему прислушивался даже Тралл, доверяя мнению Вол’джина в военных делах. Он мог бы провести месяцы выздоровления за планированием кампаний и разработкой стратегий. Через год-другой после возвращения из Пандарии – если он еще там, – стяг Черного Копья пропитался бы кровью и стал страшнее, чем сейчас.

«И что бы мне это принесло?»

Я был бы доволен.

Вол’джин развернулся. Над ним высилась титаническая фигура Бвонсамди – его уши тянулись вперед, сияясь уловить пульсирующие внизу крики.

Это принесет тебе мир, Вол'джин, ибо ты сделаешь то, чего требует твоя натура тролля.

И это всё, для чего мы созданы?

Лоа не требуют от вас большего. Какова еще цель вашего существования?

Вол'джин задумался над ответом на этот вопрос. В поисках его он уставился в бездну. Ее тьма достигла его и поглощала, оставляя без ответа и уж точно – без покоя.

Наконец Вол'джин очнулся. Его глаза открылись, и так он понял, что это не сон. Их коснулся, просочившись через ткань, слабый свет. Вол'джину хотелось видеть, но для этого придется снять повязку. А для этого, в свою очередь, надо поднять руку. Такая задача показалась ему невыполнимой. Он так слабо ощущал свое тело, что даже не мог бы сказать, привязана его рука, перевязана или попросту отрублена у запястья.

Окончательно уверившись в том, что он жив, Вол'джин почувствовал неодолимое желание вспомнить, как именно был ранен. Раньше, не имея четкой уверенности в том, что выживет, он не видел необходимости задумываться над этим. Никем не приглашенный и, что особенно приятно, действующий наперекор желаниям Гарроша, Вол'джин решил попутешествовать по новым для себя землям Пандарии и посмотреть, что поделявает Орда под управлением кровожадного орка. Вол'джин знал о пандаренах благодаря Чэню

Буйному Портеру и хотел увидеть их родину раньше, чем ее разорит война Орды и Альянса. Сюда он прибыл без планов остановить Гарроша, но... Вол'джин однажды уже угрожал пронзить его стрелой – и на всякий случай прихватил с собой лук.

Гаррош, хоть и пребывал в своем обычном скверном настроении, предложил Вол'джину шанс внести свой вклад в дело Орды. Тот согласился – не столько ради Орды, сколько чтобы помешать целям вождя. Вместе с одним из доверенных орков Гарроша, Рак'гором Кровавой Бритвой, и несколькими другими путешественниками, собравшимися на миссию в самое сердце Пандарии, Вол'джин тронулся в путь.

Темный охотник наслаждался странствием, сравнивая этот край с виденными раньше. Он насмотрелся на пологие горы – обветренные и сломленные, – но в Пандарии они казались лишь мягкими. Или зазубренные, злые горы, которые здесь, хоть и не менее острые, казались просто устремленными ввысь. Джунгли и рощи с изобилующей в них жизнью как будто никогда не скрывали смертельной угрозы, как, скажем, в Тернистой долине. Существовали здесь и руины, но только потому, что были заброшены, а не разбиты и погребены. Пока весь остальной мир выжигали ненависть и насилие, Пандария еще не почувствовала их бича.

Пока.

Отряд достиг цели – слишком быстро, на вкус Вол'джина.

Рак'гор и два его помощника вылетели на вивернах исследовать дальнейший путь, но Вол'джин не увидел их следов, когда группа достигла входа в пещеру. Отверстие охраняли огромные ящеры, отдаленно напоминающие людей. Путешественники прорубились через них и приготовились спуститься в темные недра пещеры.

Черные летучие мыши визжали и вырывались в темный воздух из скрытых ниш. Вол'джин едва улавливал их крики и сомневался, что остальные слышали хоть что-то кроме бияния кожистых крыльев. Один из лоа, Хир'ик, носил обличье летучей мыши. «Не предупреждение ли это от богов, что ничего хорошего нас дальше не ждет?»

Лоа не дал ответа, так что Черное Копье повел спутников дальше. Холодок скверны усиливался, пока они углублялись в пещеру. Вол'джин остановился, присел, снял перчатку и, зачерпнув пригоршню влажной почвы, поднял ее к носу. Слабая сладость гнилой растительности вместе с неприятной вонью гуано летучих мышей, но он уловил намек на что-то еще. Несомненно, сауроки, но явно с примесью чего-то...

Он закрыл нос и зажмурился. Сжал руку, затем просеял почву большим пальцем, протерев через остальные. Когда она просыпалась, Вол'джин снова раскрыл ладонь и вытянул пальцы. Легкая, как паутина, с непокорными и извивающимися очертаниями дыма свечи, по его ладони скользнула остаточная магия.

И обожгла крапивой.

«Это поистине место скверны».

Вол'джин снова открыл глаза и возглавил группу на пути по древнему проходу в глубину пещеры. Когда они подходили к развилкам, то проверяли оба пути. Тролля, с раскрытой и обнаженной правой рукой, не нужно было даже водить ею по воздуху, чтобы чувствовать признаки чар. То, что было паучьим шелком, стало нитью, затем пряжей и грозило вырасти в бечевку или даже трос. Каждая порция магии касалась его будто мелкими иголками. Боль не становилась сильнее, но полоса магии поперек ладони расширялась.

Когда магия стала шириной с крепкий корабельный канат, путники нашли большой зал под охраной самого большого количества сауроков, что им приходилось встречать. В сердце пещеры царствовало исходящее паром подземное озеро. Там в гнездах лежали сотни яиц сауроков – возможно, даже тысячи, – где в тепле развивались детеныши.

Вол'джин поднял руку, чтобы остановить остальных.

«Лежбище в сердце магии».

Не успел Вол'джин в полной мере осознать эту ситуацию, как сауроки обнаружили их и напали. Тролль и его союзники отбивались всеми силами. Сауроки тоже сражались упорно, и, хотя отряд Вол'джина победил, все были ранены и в крови. И все же, пока его напарники осматривали полученные травмы, Вол'джин не мог не продолжить изучать пещеру.

Он молча зашел в мелкое озеро и широко раскинул руки. Закрыв глаза, тролль медленно обернулся по кругу. Невиди-

мые магические канаты хватались за руки, как лозы в джунглях, и заплетались вокруг тела. Завернувшись в них, чувствуя их обжигающую ласку, он понял это место так, как может понять только темный охотник.

Духи кричали от боли тысячелетней давности. В него ворвалась сущность сауроков, скользнула через живот, как гадюка, что эпохи назад ползла по холодному каменному полу. Змея оставалась верна своей природе и духу.

Затем по ней ударила магия. Устрашающая магия. Магия, что была вулканом в сравнении с угольком, каким могло распорядиться большинство магов. Она хлынула сквозь змею, пронзая ее золотой дух тысячью черных шипов. Затем эти шипы разошлись – туда и сюда, вверх и вниз, изнутри наружу, даже из прошлого в будущее и из правды – в ложь.

Перед мысленным взором Вол'джина шипы тянули и тянули, растягивая золото в тонкую тетиву, а потом разом метнулись обратно к центру. Шипы тащили с собой золотые линии, заплетая их в магический узел. Нити спутывались и обрастали узлами. Некоторые лопались, другие соединялись с новыми концами. Все это время гадюка визжала. То, чем она была однажды, преобразилось в новое существо – существо наполовину безумное от пережитого, и все же гибкое и податливое в руках своих творцов.

И оно было отнюдь не одиноко.

К Вол'джину пришло имя «саурок», не существовавшее до того первого жестокого акта творения. У имен есть сила,

и это имя определило новых созданий. Также оно определило их хозяев и отдернуло вуаль с использованной магии. Сауроков создали мoгу. Могу, которых Вол'джин знал не более чем в качестве далеких теней из смутных легенд. Они были давно мертвы или пропали.

Магия, однако, не пропала. Магия, что могла переделать создание целиком и полностью, осталась с зари времен, с начала всего. Титаны, зодчие Азерота, пользовались той же магией для своих творений. Здравый рассудок не мог понять невероятную силу подобного колдовства, не говоря уже о том, чтобы ее покорить. И все же мечты о ней разжигали безумные полеты фантазии.

Пережив творение сауроков, Вол'джин ухватил центральную истину магии. Он видел путь – лишь проблеск тропки, – но мог продолжить его изучение. Та же магия, что создала сауроков, могла уничтожить мурлоков, убивших его отца, или заставить людей превратиться обратно во врикулов, из которых их, очевидно, сделали. Любое из этих действий было бы достойным применением подобной силы и оправдало бы десятилетия учебы для полного овладения ею.

Темный охотник прервался. Лишь помыслив об этом, он стал жертвой ловушки, что, несомненно, поймала могу. Бессмертная магия осквернит смертного. Это неизбежно. И это убьет мага. А также, скорее всего, и его народ.

Вол'джин открыл глаза и обнаружил, что перед ним, вместе с выжившими из его группы, стоит Рак'гор.

– Как раз вовремя.

– Вождь говорит, между этими существами и могу есть связь.

– Эти могу – они творцы. Творят тут злую темную магию. – По коже Вол’джина побежали мурашки, когда орк прошел дальше. – Чернейшую из магий.

Орк ответил быстрой и дикой ухмылкой.

– Да, власть ваять из плоти и создавать невероятных воинов. Этого и хочет вождь.

У Вол’джина все перевернулось в животе.

– Гаррош играет в бога? Орда живет не для этого, не для этого.

– Он и не думал, что ты одобришь.

Орк ударил жестоко, без жалости. Кинжал вонзился в горло Вол’джина, развернул тролля и отбросил на землю. Его товарищи бросились в битву. Рак’гор и его союзники сражались с безрассудством, не задумываясь о собственной жизни и легко умирая. «Возможно, Гаррош убедил их, что его новая магия сможет вернуть их и сделать еще лучше».

Вол’джин привстал на колени и жестом остановил своих союзников. Он прижал руку к горлу, зажимая рану.

– Гаррош предаст сам себя. Он должен верить, что мы мертвы. Только так можно его остановить. Идите. Следите за ним. Ищите таких, как я. Поклянитесь кровавой клятвой. За Орду. Будьте готовы, когда я вернусь.

Когда они оставили его, Вол’джин действительно думал,

что говорит им правду. Но едва тролль попытался встать, его пронзила черная боль. Гаррош продумал всё: клинок Рак'гора обмакнули в какую-то губительную отраву. Вол'джин не исцелялся, как должен был бы, и чувствовал, что силы оставляют его. Он боролся с туманом, что окутывал разум. И он бы справился, не найди его сауроки.

Троль смутно помнил, как дрался с ними, помнил блеск клинков в темноте. Боль от порезов, отказывавшихся заживать. Холод, просачивающийся в конечности. Он слепо бежал, врезался в стены, скатывался по проходам, но всегда заставлял себя подняться и продолжить двигаться.

Как он выбрался из пещеры и как попал туда, где оказался сейчас, Вол'джин и сам не знал. Здесь точно пахло не как в пещере. Он почувствовал в воздухе что-то неуловимо знакомое, но оно пряталось под ароматами припарок и мазей. Троль не торопился верить, что оказался среди друзей, хотя на эти мысли и наводил оказанный ему уход. Возможно, его лечат враги в надежде потребовать у Орды выкуп.

«Их разочарует предложение Гарроша».

От этой мысли Вол'джин чуть не рассмеялся, но обнаружил, что сейчас не в силах выдавить из себя смех. Мышцы живота напряглись, но сдались под натиском усталости и боли. И все же то, что тело реагировало, невольно успокоило темного охотника. Смех – он для живых, не для умирающих.

Как и воспоминания.

Не умирать – пока что этого достаточно. Вол'джин вдох-

нул так глубоко, как только мог, затем медленно выдохнул.
И уснул раньше, чем закончил выдох.

Оглядывая двор монастыря Шадо-пан, Чэнь Буйный Портер чувствовал холод, но не смел этого показывать. Внизу, где он подметал снег, запорошивший ступени, тренировался десяток монахов – все босоногие, а некоторые и вовсе раздетые до пояса. В полном единении, с дисциплиной, какой он не видел и в лучших войсках мира, они принимали стойку за стойкой. Мелькали размытые от скорости удары, хлестали в зябком горном воздухе резкие взмахи ногами. Монахи двигались плавно, и в то же время в каждом их движении чувствовалась мощь – мощь реки, бушующей в каньонах.

Вот только они не бушевали.

В этих более чем боевых упражнениях монахи каким-то

образом черпали покой. И это их вполне устраивало. Хотя Чэнь часто наблюдал за ними и почти не слышал от них смеха, не замечал он и гнева. Не этого он ожидал от войск, заканчивающих тренировку, но, с другой стороны, прежде он никогда не видел ничего подобного Шадо-пану.

– Позвольте вас на пару слов, хмелевар?

Чэнь обернулся и хотел было прислонить метлу к стене, но остановился. Это не ее место, но и требование настоятеля Тажаня Чжу на самом деле не было просьбой, так что он не мог пойти и отнести метлу туда, где ей полагалось храниться. Вместо этого Чэнь просто спрятал ее за спиной и поклонился главе монастыря.

Лицо Тажаня Чжу осталось бесстрастным. Чэнь не мог бы сказать, сколько лет монаху, но он не сомневался, что пандарен родился задолго до сестер Чан. Не потому, что он казался стариком, вовсе нет. Настоятель излучал жизненную силу кого-то возраста Чэня – а то и Ли. В нем было что-то еще, что-то общее с монастырем.

«Что-то общее со всей Пандарией».

В Пандарии царило ускользающее ощущение древности. Великая Черепаха стара, и ее постройки тоже, но ни одна из них не казалась такой почтенной, как монастырь. Чэнь вырос среди зданий, повторяющих архитектуру Пандарии, но перед оригиналом они были все равно что песчаный замок детеныша перед настоящим. Не то чтобы они не были чудесны, – просто совсем не те.

Чэнь, задержавшись на время в уважительном поклоне, снова выпрямился.

– Чем могу помочь?

– Прибыла депеша от вашей племянницы. Как вы и просили, она посетила хмелеварню и сообщила, что вы будете некоторое время отсутствовать. Она следует к Храму Белого Тигра, – монах слегка склонил голову. – За последнее я вам благодарен. Сильный дух вашей племянницы... неукротим. Ее последний визит...

Чэнь быстро кивнул.

– Будет последним. Рад видеть, что брат Хвон-кай больше не хромает.

– Он излечился, телом и духом, – глаза Тажаня Чжу сузились. – Отчасти то же можно сказать о вашем беженце. Есть признаки того, что тролль пришел в чувство, но исцеление все еще идет медленно.

– О, чудесно. То есть чудесно не то, что Вол'джин исцеляется медленно, а то, что он очнулся. – Чэнь было потянулся отдать метлу Тажаню Чжу, но заколебался. – Просто уберу ее по дороге в лазарет.

Старый монах поднял лапу.

– Пока что он спит. Касательно его и человека, которого вы привели ранее, я бы и хотел переговорить.

– Да, господин.

Тажань Чжу обернулся и в мгновение ока прошел изрядную часть заснеженной галереи, которую Чэнь еще не успел

подмести. Монах двигался так грациозно, что его шелковый халат даже не шелестел. Чэнь не видел ни малейшего следа на снегу. Поторопившись за ним, Чэнь чувствовал себя каменнолапой громовой ящерицей.

Через темные тяжелые двери монах повел его вниз, в тусклые коридоры, вымощенные обтесанным камнем. Камень сложили в любопытные узоры, объединявшие каждый блок и вырезанные на них рисунки. Те несколько раз, когда Чэнь вызывался подмести эти коридоры, он гораздо больше времени стоял, потерявшись в их линиях и извилинах, нежели орудовал метлой.

Их путь закончился в большой комнате, освещенной четырьмя лампами. Середина пола была отведена под круглую конструкцию с циновкой. В ее центре стоял маленький столик с терракотовым чайником, тремя чашками, метелочкой, бамбуковым черпаком, чайницей и маленьким железным горшком.

А рядом с ним сидела Ялия Мудрый Шепот – глаза закрыты, лапы на коленях.

При виде пандаренки Чэнь не смог сдержать улыбки и подозревал, что Тажань Чжу знал не только, что он улыбается, но и насколько широко. Ялия привлекла внимание Чэня во время первого же визита в монастырь, и не только своей красотой. В монашке-пандаренке было что-то от чужестранки, что Чэнь заметил сразу – а потом заметил, как она изо всех сил пытается это скрыть. У них было несколько коротких бе-

сед, из которых хмелевар помнил каждое слово. Теперь он спросил себя, помнит ли каждое слово она.

Ялия встала и поклонилась сперва Тажаню Чжу, затем Чэню. Первый ее поклон продлился долго. Второй – не особенно, но Чэнь запомнил время и поклонился точно так же. Тажань Чжу показал на узкий конец прямоугольного столика, рядом с железным горшком. Чэнь и Ялия опустились на колени, и тогда Тажань Чжу последовал их примеру.

– Простите меня, мастер Буйный Портер, за две вещи. Во-первых, я попрошу вас заварить нам чай.

– Для меня это большая честь, господин Тажань Чжу, – Чэнь поднял взгляд. – Сейчас?

– Если вас не затруднит заниматься этим и одновременно слушать.

– Нет, господин.

– И, во-вторых, простите за то, что пригласил сюда сестру Ялию. Мне показалось, ее взгляд может нас просветить.

Ялия склонила голову – хмелевара слегка взволновала ее обнажившаяся шея, – но ничего не сказала, так что и Чэнь продолжил хранить молчание. Он начал заваривать чай и немедленно отметил кое-что, к чему еще не привык, несмотря на все время, проведенное им в монастыре в период жизни в Пандарии: на крышке железного горшка был узор в виде океанской волны. Терракотовый чайник вылепили в виде корабля. Ручка образовывала якорь. Эти решения были не случайны, хотя, что за послание они ознаменовывали, Чэнь

не мог догадаться.

– Сестра Ялия, в бухте корабль. Он стоит неподвижно. Почему?

Чэнь аккуратно зачерпнул кипятку из горшка и бесшумно вернул крышку на место, чтобы не отвлекаться во время размышлений. Он влил воду в чайник, затем мягко посыпал измельченного зеленого чая из чайницы. На ее крышке были нарисованы красные птицы и рыбы на черном фоне, а вокруг середины шла полоска со знаками, символизирующими районы Пандарии.

Ялия подняла взгляд и заговорила – голосом мягким, как первые лепестки расцветающей вишни:

– Я бы сказала, господин, корабль стоит благодаря воде. Это основание корабля. Это сама причина его существования. Без воды, без океана не было бы и корабля.

– Очень хорошо, сестра. Тогда вы бы сказали, что вода – это Тушуй, если пользоваться распространенным на Шэнь-Цзынь Су названием, – основание, медитация и созерцание. Как вы и сказали, без воды для корабля нет смысла существовать.

– Да, господин.

Чэнь следил за ее лицом, но не заметил ни единого признака того, что она ищет одобрения. Он бы так не смог. Он бы хотел знать, угадал или нет. Но Ялия, вдруг пришло ему в голову, уже знала, что права. Господин Тажань Чжу спросил ее мнения, следовательно, ее ответ не может быть непра-

вильным.

Едва высунув кончик языка в уголке рта, Чэнь замешал чай с водой метелкой. Мешал он энергично, но мягко. Целью было не взболтать чай в воде с силой, а смешать тщательно. Нужно было очищать сосуд вдоль стенок, стягивать порошок к середине и повторять это движение вновь и вновь. Он действовал споро, превращая два различных элемента в зеленую пену, что густо плескалась в трюме глиняного кораблика.

Тажань Чжу показал на чайник.

– Другие, разумеется, скажут, что причина неподвижности корабля – якорь. Без якоря, приковавшего корабль к месту, его бы выбросили на берег ветер и волна. Якорь, вонзающийся в дно бухты, спасает корабль, и без него корабль был бы ничем.

Ялия склонила голову.

– Если позволите, господин, истолковать ваши слова... то вы считаете, что якорь – это Хоцзинь. Это действие импульсивное, решительное. То, что стоит между кораблем и катастрофой.

– Очень хорошо, – старый монах взглянул, как Чэнь добавил последний черпак кипятка и вернул крышку на чайник. – Вы понимаете, о чем мы говорим, Чэнь Буйный Портер?

Чэнь кивнул, огладив чайник:

– Почти.

– Вы о чае или о своем понимании?

– О чае. Еще пара минут, – Чэнь улыбнулся. – Но насчет воды, якоря и корабля... Я тут подумал...

– Да?

– Я бы сказал, дело в команде. Потому что даже если бы существовал океан, без команды, которой хочется посмотреть, что на другой стороне того океана, не было бы корабля. И это она, команда, выбирает, когда вставать на прикол, а когда отплывать. Значит, вода важна, и якорь важен, раз они начало и конец, но открытиями занимается команда. – Тут Чэнь, рисовавший лапами в воздухе в течение всей речи, остановился. – Но разговор на самом деле не о кораблях, да?

– Нет. Да, – Тажань Чжу на миг прикрыл глаза. – Мастер Буйный Портер, вы привели в мою гавань два корабля. Здесь они на приколе и в безопасности. Но я не могу больше принять кораблей.

Чэнь посмотрел на него.

– Ладно. Мне разливать?

– Вам неинтересно знать, почему я больше не могу принять кораблей?

– Вы начальник порта, вам и решать, – Чэнь налил чая Тажаню Чжу, затем Ялии и себе. – Не забывайте, он еще горячий, и сперва лучше дать листьям осесть на дно.

Тажань Чжу поднял свою маленькую керамическую чашку и вдохнул пар. Тот его как будто успокоил. Чэнь часто видел такое. Одно из главных удовольствий в жизни и ремесле

хмелевара – видеть, как его старания влияют на людей. Конечно, большинство предпочитало чаю его алкогольные варианты, но от хорошего и умело заваренного чая вам гарантированы уникальные ощущения безо всякого похмелья.

Настоятель монастыря отпил чаю, затем поставил чашку. Кивнул Чэню. Это стало разрешением Чэню и Ялии тоже отпить. Чэнь уловил самый легкий намек на улыбку в уголках губ монахини. Если кто спросил бы его мнение, то он бы сказал, что неплохо постарался.

Тажань Чжу взглянул на него из-под тяжелых век.

– Позвольте начать заново, мастер Буйный Портер. Вы желаете знать, почему я готов принять ваши два корабля у себя в гавани?

Чэнь даже не раздумывал над ответом:

– Да, господин. Почему?

– Потому что в них есть баланс. Ваш тролль, судя по тому, что вы рассказывали, и тому, что он темный охотник, – несомненно, Тушуй. Второй же, кто каждый день поднимается по горе все выше, а затем возвращается, – Хоцзинь. Один – из Орды; второй – из Альянса. По сути своей они противостоят друг другу, и все же именно это противостояние их объединяет и придает им смысл.

Ялия поставила чашку.

– Простите меня, господин, но возможно ли, учитывая их противостояние, что они попытаются убить друг друга?

– Причин не учитывать эту возможность у меня нет, сест-

ра. Корни вражды между Ордой и Альянсом уходят глубоко. Эти двое несут на себе много шрамов – а человек вдобавок несет их и в разуме, как, возможно, и ваш тролль, мастер Буйный Портер. И кто-то действительно пытался убить вашего тролля. Была то засада сил Альянса или же Орда пошла против своего – мне неизвестно. Однако же мы не можем допустить, чтобы они убили друг друга здесь.

– Не думаю, что Тиратан на это пойдет, а Вол’джин... ну, я знаю... – Чэнь с миг поколебался, пока в мыслях всплывали воспоминания. – С Вол’джином я поговорю. Попрошу его обойтись без убийств, хорошо?

Выражение лица Ялии омрачилось.

– Не считите меня жестокой, мастер Буйный Портер, но я обязана спросить, не вовлечет ли нас укрывание этих двоих в иностранную политику и розни? И нельзя ли их выдать или вернуть обратно своему народу?

Тажань Чжу медленно покачал головой:

– Мы уже вовлеклись, и это уже принесло свои плоды. Альянс и Орда помогли нам решить вопрос с ша в Танлунских степях. Вы знаете, какое это великое зло и насколько мы уступаем числом. Как сказано давным-давно, враг моего врага – мой друг, какой бы хаос он ни учинял, а ша издревле враги Пандарии.

Чэнь едва не встрял с пословицей: «С кем поведешься, от того и наберешься», но сдержался. Не то чтобы она не относилась к делу – просто сейчас от нее не было пользы, осо-

бенно если вспомнить, что многие пандарены относились к странникам вроде Ли Ли и его самого как к «диким собакам». Он надеялся лишь, что Ялия видит его иначе, и не торопился объяснять эту мысль.

Чэнь чуть опустил голову.

– Не уверен, господин, что возможно заставить их – мои корабли или Орду с Альянсом – действовать заодно вечно, каким бы недружелюбным ни был общий враг.

Тажань Чжу усмехнулся, почти беззвучно – эхо смешка не поколебало воздух и на лице его возник не более чем намек на улыбку.

– Я оставил ваши корабли в гавани не для этого, Чэнь. А для того, чтобы, пребывая среди нас, тролль и человек могли учиться, а пока они учатся у нас, мы будем учиться у них. Ибо, как вы мудро говорите, когда больше не будет объединяющих их врагов, они снова вцепятся в глотки друг другу, и тогда нам придется выбирать, кого поддержать.

Вол’джин из троллей Черного Копья решил не двигаться. Так темный охотник решил потому, что нашел этот вариант более предпочтительным, чем необходимость признать, что он слишком слаб, чтобы пошевелиться. Хотя за ним ухаживали добрые руки, касаясь с уважением, он не смог бы их сбросить, даже будь это его главное желание.

Невидимые помощники взбивали подушки, затем подкладывали их ему под спину. Он бы возразил, но от боли в горле сказать любое слово – кроме самого грубого и короткого, – было невозможно. Очевидный выбор – «хватит» – как резко его ни рывкни, стал бы лишь насмешкой над его неспособностью остановить помощников. Хотя он принял молчание в

качестве уступки своей гордости, корни неуютного ощущения уходили глубже.

Мягкая постель и подушки еще мягче – не та роскошь, которой наслаждаются тролли. Тонкая циновка на деревянном полу была верхом пышности на островах Эха. Многие тролли спали на земле, а укрытие искали только в том случае, если приходила буря. Податливый песок служил постелью получше, чем твердый камень Дуротара, но тролли не привыкли жаловаться на суровые условия.

Акцент на мягкости и комфорте раздражал Вол’джина, потому что подчеркивал его слабость. Рациональная частичка воина не могла поспорить, что в мягкой постели возиться с раненым телом намного проще. Спору нет, и спалось ему тут лучше. Но когда к его слабости привлекали внимание, это как будто вступало в противоречие с его натурой тролля. Тролли в тяготах и суровой реальности – как акулы в открытом океане.

«Отнять это у меня – все равно что убить».

Его застал врасплох стук кресла или стула справа. Он не слышал, как подходил тот, кто его принес. Вол’джин принюхался, и раздражающий запах, скрывающийся подо всеми остальными, налетел с силой кулака. Пандарен. Не просто пандарен, а один конкретный.

Голос Чэня Буйного Портера, низкий, но теплый, прошестел шепотом:

– Я бы пришел к тебе раньше, но настоятель Тажань Чжу

назвал это неблагоразумным.

Вол'джин силился ответить. Он желал сказать миллион разных вещей, но немногие укладывались в слова, которые соглашалось озвучить его горло.

– Друг. Чэнь.

Почему-то «Чэнь» далось проще, будучи мягче.

– Не буду играть с тобой в угадайку. Ты слишком хорош в этом. – Зашуршал халат. – Если закроешь глаза, я сниму повязки. Целители говорят, твои глаза в порядке, но они не хотели, чтобы тебя что-то беспокоило.

Вол'джин кивнул, зная, что отчасти Чэнь прав. Если бы к нему на острова Эха привели чужака, он бы тоже закрыл ему глаза, пока не решил, что пленнику можно доверять. Несомненно, так же рассуждал и Тажань Чжу, и по какой-то причине он решил, что Вол'джин стоит доверия.

«Дело лап Чэня, не иначе».

Пандарен аккуратно разматал бинты.

– Я прикрою тебе глаза лапой. Открой, и я медленно ее уберу.

Вол'джин сделал как сказано, буркнув что-то вместо сигнала. Чэнь понял правильно, потому что отстранил лапу. Глаза тролля заслезились на ярком свете, затем проступил образ Чэня. Пандарен остался таким же, каким его помнил Вол'джин – крепко сбитым, с добродушной аурой и интеллектом в золотых глазах. Это было приятное зрелище.

Затем Вол'джин посмотрел на свое тело и чуть опять не

закрыв глаза. Простыня закрывала его до пояса, а все остальное покрывали бинты. Он отметил, что у него на месте обе руки и все пальцы. Длинные холмы под простыней сообщили, что и нижние конечности невредимы. Тролль чувствовал, как горло сдавливают бинты, мешая дышать, а зуд позволил предположить, что как минимум кусочек одного уха пришивали на место.

Он уставился на правую руку и заставил пальцы двигаться. Те подчинились, но ощущение движения достигло мозга не сразу. Они казались невозможно далекими, но, в отличие от момента, когда Вол'джин впервые очнулся, он их хотя бы чувствовал.

«Уже что-то».

Чэнь улыбнулся.

– Знаю, ты хочешь о многом спросить. Начать с начала или с конца? Середина – не такое удачное место, но можно начать и там. Правда, тогда середина станет началом, верно?

Объяснения Чэня становились все громче и безумнее. Остальные пандарены отвернулись – их интерес к разговору угас с предвкушением скуки. Увидев их, Вол'джин заметил и темные древние стены из камня. Как и все, что он видел в Пандарии, это место так и излучало древность, – а здесь еще и силу.

Вол'джин хотел сказать «начало», но горло не подчинилось.

– Не конец.

Чэнь оглянулся и, похоже, заметил, что остальные пандарены предпочли не обращать на них внимания.

– Тогда с начала. Я выловил тебя из небольшого ручья в деревне Бинан недалеко отсюда. Мы сделали для тебя, что смогли. Ты не умирал, но и на поправку не шел. Похоже, на ноже, порезавшем твое горло, был яд. Я принес тебя сюда, в монастырь Шадо-пан, на вершине Кунь-Лай. Если кто-то и мог тебе помочь, то это монахи.

Он сделал паузу и осмотрел раны Вол'джина, качая головой. Тролль не заметил во взгляде жалости, и это было приятно. Чэнь, если не паясничал, всегда был чуток, и Вол'джин знал, что хмелевар вечно изображает из себя шута, чтобы остальные не догадались, как умен он может быть.

– Не могу представить, чтобы это с тобой сделали войска Альянса.

Глаза Вол'джина прищурились.

– Моя. Голова. Пропала.

Пандарен коротко усмехнулся.

– Кто-то будет пировать с королем в Штормграде, с твоей головой в центре стола, не сомневаюсь. Но я знаю, что ты бы не попался в такую ловушку Альянса, где бы тебе нанесли столько ран.

– Орда, – живот Вол'джина напрягся. На самом деле это была не Орда, это был Гаррош. Горло Вол'джина сжалось раньше, чем он смог выговорить имя. Горечь произнесенного слова все равно застыла на языке.

Чэнь откинулся и почесал подбородок.

– Потому я и принес тебя сюда. Для лечения все равно не было другого варианта, но твоя безопасность... – хмелевар придвинулся, понизив голос. – Теперь, пока Тралла нет, Орду возглавляет Гаррош, да? Он устраняет соперников.

Вол’джин позволил себе погрузиться в подушки.

– Не. Без. Причины.

Чэнь хохотнул, и, как Вол’джин ни старался, он не слышал ни намека на укор.

– В Альянсе нет ни одной головы, что ложилась бы на подушку, не увидев кошмар о встрече с тобой. Неудивительно, что это же относится и к кое-кому из Орды.

Вол’джин попытался улыбнуться и надеялся, что ему удалось.

– Никогда. Ты?

– Я? Нет, никогда. Такие, как я, как Рексар, – мы видели тебя полного ярости, вселяющего ужас во время схватки. Но мы видели и то, как ты скорбишь по отцу. Ты предан Траллу, Орде и племени Черного Копья. Дело в том, что те, кто сам не может быть преданным, никогда не поверят, что верность свойственна другим. Я верю в твою преданность. А такие, как Гаррош, думают, что это маска, скрывающая измену.

Вол’джин кивнул. Он жалел, что ему не хватает голоса, чтобы рассказать Чэню о своей угрозе убить Гарроша. Тролль был уверен, для пандарена это не будет иметь значения – Чэнь, ввиду своей привязанности, выдумает ему де-

сяток оправданий. И нынешнее состояние Вол'джина только послужит подтверждением любому из них.

«Единственное, что это докажет, – силу дружбы Чэня».

– Сколько?

– Достаточно, чтобы я сварил весенний эль и почти закончил с шенди конца весны. Или начала лета. Пандарены вольно относятся ко времени, а те, что родом из самой Пандарии, – еще вольнее. Месяц с тех пор, как мы тебя нашли, две с половиной недели здесь. Целители заливали тебе в горло лекарство, чтобы ты не просыпался, – Чэнь повысил голос для тех, кто начал подходить ближе. – Я им сказал, что могу приготовить тебе горячий черный чай с водорослями и ягодами, от которого ты враз встанешь на ноги, но они не верят, будто хмелевар что-то понимает в лечении или в тебе. И все же они подкрепляли твои силы, так что не совсем безнадежны.

Вол'джин попытался облизать губы, но, похоже, даже это его утомило.

«Две с половиной недели – и я исцелился лишь до такой степени. Бвонсамди отпустил меня, но я выздоравливаю слишком медленно».

Чэнь снова наклонился, понижая голос:

– Шадо-паном управляет настоятель Тажань Чжу. Он согласен позволить тебе остаться здесь на время выздоровления. Но есть условия. Учитывая, что и Альянс, и Орда хотели бы сами о тебе позаботиться, каждый по-своему...

Вол'джин пожал плечами, насколько мог.

– Беспомощен.

– ...и учитывая, что ты все еще лечишься, послушать не повредит, – Чэнь кивнул, подняв перед собой лапу в успокаивающем жесте. – Господин Тажань Чжу желает, чтобы ты учился у нас... Ну не совсем у нас. Большинство пандаренов считает тех, кто вырос на Шэнь-Цзынь Су, «дикими собаками». Мы похожи на них, говорим, как они, пахнем, как они, но мы – другие. Они не знают, кто мы. Сперва меня все это ставило в тупик, пока не дошло, что многие тролли могут так же относиться к Черному Копью.

– Есть. Правда, – Вол'джин закрыл на миг глаза.

«Если этот Тажань Чжу желает, чтобы я узнал о пандаренах и их обычаях, он будет узнавать обо мне. Как и я – о нем».

– Настоятель думает, что ты – Тушуй, более взвешенный и устойчивый. Я много ему о тебе рассказывал, и я тоже так думаю. Тушуй – не та черта, которую он часто видел в Орде. Он желает понять, почему ты отличаешься от остальных. Но поэтому хочет, чтобы и ты узнал о жизни пандаренов. Некоторые наши понятия, наши обычаи. Не так, чтобы ты был как тролли, которые отправляются на Громовой Утес и становятся синими тауренами. Он только хотел бы, чтобы ты понимал эту жизнь.

Вол'джин снова открыл глаза и кивнул. Затем уловил заминку в речи Чэня.

– Что?

Чэнь отвел взгляд, нервно постукивая кончиками сложенных вместе пальцев.

– Видишь ли, Тушуй уравнивается Хоцзинем. Это более импульсивная философия – «сперва убей, потом разбирайся в шкурах». Как Гаррош, когда решил убить тебя. Очень похоже на поведение Орды в последнее время. Не в характере Альянса.

– И?

– Сейчас баланс соблюден. Тажань Чжу говорил со мной о воде, якорях, кораблях и прочем. Очень сложно, даже если не вспоминать про команды. Но самое важное тут – баланс. Ему очень нравится баланс, и, видишь ли, пока не прибыли ты, их баланс был нарушен.

Вол’джин, несмотря на то, чего ему это стоило, выгнул бровь.

– Ну... – Чэнь оглянулся через плечо на пустую постель. – Где-то за месяц до того, как обнаружить тебя, я нашел скитальца с тяжелой раной и сломанной ногой. Нашел и тоже принес его сюда. У него была перед тобой фора, но тролли оправляются быстрее. И дело в том, что господин Тажань Чжу поручает тебя его уходу.

Мысли Вол’джина словно ударило молнией, и, несмотря на слабость, он попытался вскочить.

– Нет!

Чэнь прижал тролля к постели обеими лапами.

– Нет-нет, ты не понимаешь. Он здесь под теми же ограничениями, что и ты. Он не... Я знаю, что ты его не боишься, Вол'джин. Господин Тажань Чжу надеется, что, помогая исцелиться тебе, этот человек исцелится сам. Таков наш обычай, друг мой. Восстанови баланс – и ускорить лечение.

Хоть лапы Чэня оставались мягкими, а сила – ненавязчивой, Вол'джин не мог с ним бороться. На миг у него возникла мысль, что монахи специально проследили, чтобы тролль оставался слабым – с помощью зелья, которое ему давали. Однако это означало бы, что Чэнь с ними в заговоре, а тот никогда бы на это не пошел.

Вол'джин силой прогнал гнев и позволил вместе с ним уйти досаде. Господин Тажань Чжу хотел изучить не только тролля, но и его отношения с человеком. Вол'джин легко бы мог пересказать длинную историю отношений троллей и людей, и почему в истории этой бурлила ненависть. Вол'джин убил столько людей, что даже не трудился вести им счет. Сон он от этого не потерял – более того, спалось после убийств еще лучше. И он готов был спорить, что находящийся в монастыре человек думает примерно так же.

Тролль осознал, что, хотя Тажань Чжу мог быть знаком с этой историей, сведения могло подпортить предубеждение рассказчиков. Поместив вместе тролля и человека, настоящий сможет наблюдать, учиться и делать собственные выводы.

«Мудрый выбор, думаю я».

Вол'джин напомнил себе: о чем бы Чэнь ни рассказывал господину Тажаню Чжу, для монаха-пандарена он просто тролль. Несомненно, родословная человека тоже не имела большого значения. Неважно, кто они такие – важно то, как они будут реагировать друг на друга. Вот что хотел знать пандарен. Это знание и понимание, что такими сведениями тоже можно управлять, давало Вол'джину определенную силу.

Он поднял взгляд на Чэня.

– Ты. Одобряешь?

Глаза Чэня расширились от удивления; затем он улыбнулся.

– Так будет лучше и для тебя, и для него – для Тиратана. Туманы издавна скрывали Пандарию. Вас двоих объединяет то, что никогда не будет доступно пандарену. Сейчас вам это пойдет на пользу.

– Чтобы. Убить. Потом.

Чэнь нахмурился.

– Вероятно. Он рад этому не больше тебя, но будет терпеть, чтобы остаться здесь.

Вол'джин склонил голову.

– Имя?

– Тиратан Кхорт. Ты его не знаешь. Он не так возвысился в Альянсе, как ты – в Орде. Но он был важным человеком, главой сил Альянса здесь. И его раны нанесены не убийцами короля. Я только знаю, что он пострадал в битве, помогая Пандарии. Вот почему господин Тажань Чжу согласился его

принять. Человека тяготит великая печаль, которую ничто не может унять.

– Даже. Выпивка?

Пандарен покачал головой, устремившись взглядом в даль.

– Он пьет, и немало, но никогда не напивается до потери сознания. Становится лишь совсем тихим и очень наблюдательным. Это еще одна ваша общая черта.

– Тушуй. Нет?

Чэнь откинул голову назад и захохотал.

– Они искромсали твоё тело, но не смогли ранить разум. Да, это похоже на Тушуй – с перекошенным балансом. Но каждый день – каждый день, когда он может встать на костыли, – Тиратан выходит, чтобы подняться на гору. Очень в духе Хоцзинь. А потом останавливается. Сто ярдов, двести, – и возвращается опустошенный. Не физически, но морально. Очень в духе Хоцзинь.

«Весьма любопытно. Интересно, почему...» – Волджин прервал размышления и слабо кивнул Чэню.

– Очень. Хорошо. Друг.

– Может, ты сможешь найти ответ.

«Значит, мне придется терпеть человека, будучи тем, кем меня все хотят видеть, – Волджин медленно выдохнул и позволил голове опуститься на подушки. – И пока что я буду принадлежать к этим всем».

Монахи не требовали, чтобы Вол’джин позволил человеку себя лечить, ибо тролль этого бы не потерпел. Он не чувствовал враждебности в той настойчивой расторопности, с которой пандарены его мыли, перевязывали раны, меняли белье и кормили. Лишь отметил, что монахи присматривали за ним по очереди в течение суток, после чего уходили на два дня и только потом возвращались к своим обязанностям. После трех дней заботы о нем они исчезали совсем и больше не появлялись у его постели.

Тажаня Чжу он замечал лишь изредка, но был уверен: старый монах наблюдает за ним издали гораздо чаще, чем видит Вол’джин, да и видит он его только тогда, когда этого хо-

чет сам настоятель. Вол'джину казалось, что народ Пандарии очень похож на свой мир – все окутаны туманом, не скрывающим лишь малую часть. Хотя эту же черту можно было заметить и в Чэне, в сравнении с изощренной сложностью монахов хмелевар казался воплощением ясного дня.

Так Вол'джин проводил много времени, наблюдая и решая, что открыть о себе. Его горло зажило, но из-за рубца говорить было трудно и немного больно. Хотя пандарены могли этого и не замечать, в языке троллей всегда присутствовали мелодичные переливы – а шрамы это отняли. «Если способность общаться – признак жизни, то убийцы вполне справились со своей задачей». Темный охотник лишь надеялся, что его голос все еще узнает лоа – который оставался тихим и далеким после того, как Вол'джин начал восстанавливаться.

Он смог заучить несколько слов на языке пандаренов. То, что у них как будто было припасено по полдюжины слов для всего вокруг означало, что Вол'джин мог выбрать то, которое удавалось произносить с минимальным неудобством. Однако такое обилие слов усугубляло трудность познания их расы. В языке были нюансы, которые никогда не понять чужаку, и пандарены могли с их помощью скрывать свои истинные намерения.

Вол'джин хотел бы преувеличить свою физическую слабость в общении с человеком, но это было ни к чему. Хотя Тиратан был высок по человеческим меркам, он не отличался массивностью людей-воинов. Более гибкий, с небольшо-

ми шрамами на левом предплечье и мозолями на пальцах правой руки, выдававшими в нем охотника. Белые волосы его были короткими, и он оставлял их распушенными. Человек ухаживал за усами и бородкой, тоже белыми и появившимися недавно. Носил он простое одеяние послушника – домотканое и бурое, да еще скроенное на пандарена, так что на Тиратане оно висело мешком. И все же оно не было слишком широким – Вол’джин подозревал, что балахон шили для самки пандарена.

Хотя монахи не дали человеку ухаживать за телом Вол’джина, они требовали от него стирать одежду и белье тролля. Человек согласился без роптаний и лишних слов и работал безупречно: вещи приносили без единого пятнышка, а иногда – пахнувшими целебными травами и цветами.

И все же Вол’джин отметил два момента, которые говорили об опасности человека. Большинству, чтобы доказать эту мысль, хватило бы и того, что он уже видел: мозоли, тот факт, что человек выжил и остался без большого количества шрамов. Но Вол’джину не нравились его быстрые зеленые глаза, то, как человек поворачивался на звук и как мгновение молчал перед тем, как ответить даже на самый простой вопрос, – все это говорило о невероятной наблюдательности. Не самая редкая черта для людей его рода занятий, но столь яркая лишь в тех, кто овладел своим мастерством в совершенстве.

Другой чертой, проявившейся в человеке, было терпение.

Пока Вол'джин не понял, что его попытки бесплодны, он раз за разом совершал простые ошибки, чтобы усложнить человеку работу. Например, ронял ложку и размазывал еду по одежде для пятна побольше, – но это не тревожило человека. Вол'джин даже сумел на какое-то время спрятать пятно, чтобы оно въелось в ткань, но халат все равно вернулся чистым.

Это терпение проявлялось в том, как человек обращался с собственной раной. Хотя одежда скрывала шрамы, человек хромал – его не слушалось левой бедро. Каждый шаг наверняка приносил ему невероятную боль. Тиратан не мог скрыть все свои невольные гримасы, хотя его усилия сделали бы честь и Тажаню Чжу. И все же, каждый день, пока солнце медленно ползло за горизонт, человек выходил на тропу к вершине горы у монастыря.

После того как Вол'джина покормили, он сел в постели и кивнул пришедшему человеку. Тиратан принес с собой плоскую игральную доску в клетку и две цилиндрические емкости – красную и черную, – каждая с круглой дыркой посреди крышки. Человек поставил их на прикроватный столик, затем взял стул у стены и сел.

– Ты готов к дзихуи?

Вол'джин кивнул. Хотя они знали имена друг друга, они ни разу ими не воспользовались. И Чэнь, и Тажань Чжу говорили, что человека зовут Тиратан Кхорт. Вол'джин предполагал, что человеку сообщили и о его личности. Если тот и затаил враждебность, виду он не подавал.

«Он наверняка знает, кто я».

Тиратан взял черный цилиндр, свернул крышку, и высыпал содержимое на доску. Двадцать четыре кубика застучали и затанцевали на коричневой бамбуковой поверхности. На каждом виднелся красный символ на черном фоне: с точками, для обозначения количества шагов, и стрелкой, для обозначения направления. Человек разложил их в четыре группы по шесть, чтобы не ошибиться в пересчете, затем собрался смахнуть обратно в стакан.

Вол'джин постучал по одной грани.

– Эта.

Человек кивнул, а затем на неуверенном пандаренском подозвал монахиню. Они быстро заговорили – человек с запинками, а пандаренка так, будто баловала дитя. Тиратан склонил голову и поблагодарил.

И вновь обернулся к Вол'джину.

– Этот символ – корабль. Грань – брандер, – Тиратан положил кубик так, чтобы пандаренский символ правильно лежал перед Вол'джином. Человек повторил слово «брандер» на идеальном зандалийском и на мгновение поднял взгляд – достаточно быстро, чтобы уловить реакцию Вол'джина.

– Тернистая долина. Твой выговор.

Человек указал на кубик, не обращая внимания на замечание.

– Брандер – очень важная фигура для пандаренов. Она может уничтожить что угодно, но при этом уничтожается са-

ма. Ее убирают из игры. Мне говорили, некоторые игроки сжигают фигуру. Из шести кораблей в твоём флоте брандером может быть только один.

– Спасибо.

Дзихуи воплощало многое из пандаренской философии. У каждого кубика – шесть граней. Каждый игрок может двигать фигуры так, как обозначено на верхней грани, и атаковать, либо сменять грань, а затем либо двигаться, либо атаковать. Ещё можно было взять кубик и бросить, выбрав грань случайно, а затем вернуть в игру. Это был единственный способ получить брандер.

Что интересно, игрок мог решить вообще не двигаться, а рискнуть достать из стакана новую фигуру. Стакан встряхивали и переворачивали. Первое, что выпадало, помещалось в игру. Если выпадали два кубика, второй убирали из игры, а противной стороне позволялось достать новую фигуру без штрафа.

Дзихуи была игрой, поощрявшей вдумчивость и в то же время включавшей импульсивность. Планирование уравнивалось случаем, и все же за случай могли наказать. Прогреть врагу с большим количеством фигур на доске не было страшным поражением. Уступить более сильной позиции вне зависимости от фигур в игре не считалось бесславным поражением. Хотя целью игры было устранить все вражеские фигуры, играть до этого момента считалось неприличным и даже грубым. Обычно один игрок обнаруживал, что его обо-

шли, и сдавался, хотя некоторые полагались на случай, чтобы переломить ход игры и прийти к победе.

А играть до пата, чтобы силы оказались в балансе, считалось величайшей победой.

Тиратан вручил Вол'джину красный стакан. Каждый взял по полудюжине кубиков, разместив в центре последнего ряда поля двенадцать на двенадцать. Выбрали на них самое низкое значение и расставили друг против друга. Затем каждый вытряхнул еще по кубику и сравнил, кому попалась фишка с более высоким достоинством. Тиратан обошел Вол'джина, так что он ходил первым. Последние кубики вернулись в стаканы – и они приступили к игре.

Вол'джин сдвинул вперед фигуру.

– Твой пандаренский. Хорош. Лучше, чем они знают.

Человек поднял бровь, не отрывая взгляда от доски.

– Тажань Чжу знает.

Вол'джин изучил доску, заметив начало обходного маневра человека.

– Выслеживаешь. Его?

– Уклончив, но силен, когда хочет это показать. – Человек прикусил ноготь. – Интересный выбор по перенаправлению лучника.

– Как и твой ход. С воздушным змеем, – Вол'джин не сомневался в самом ходе, но его похвала заставила Тиратана снова бросить взгляд на фигуру. Он всмотрелся в нее, что-то выискивая, затем глянул на стакан.

Троль этого ожидал. Он вытряхнул кубик, который закрутился и со стуком остановился. Брандер. Он поместил его бок о бок с лучником, усилив фланг. Баланс игры сдвинулся – не в пользу кого-либо из игроков, а просто в этой части доски.

Тиратан добавил еще одну фигуру – воина, который выпал не на самую свою мощную грань, но все равно оказался достаточно силен. Рыцари, передвигавшиеся далеко, быстро вышли с другого фланга. Тиратан играл стремительно, но без спешки.

Вол’джин снова взял стакан, но человек схватил его за руку.

– Не надо.

– Убери. Руку. – Пальцы Вол’джина напряглись. Стисни он сильнее – и стакан треснет. Всюду разлетятся кубики и щепки. Хотелось закричать на человека, спросить, как он смел коснуться темного охотника, вождя Черного Копья.

«Ты знаешь, кто я?»

Но он не стиснул. Потому что его рука не могла сжаться сильнее. На самом деле даже это краткое напряжение сил истощило возможности его мускулов. Хватка уже ослабевала, и только рука человека не давала стакану упасть на доску.

Тиратан раскрыл вторую ладонь, чтобы развеять любой намек на враждебность.

– Я должен учить тебя этой игре. Тебе не нужно доставать еще кубик. Позволь я тебе достать, я бы победил, а твоя

ошибка подняла бы важность моей победы.

Вол'джин изучил кубики. Черный воин с переменной грани мог сокрушить его военачальника. Брандеру придется вернуться, чтобы ответить на эту угрозу, но при этом он попадет в область поражения воздушного змея Тиратана. Обе фигуры будут уничтожены, предоставив воину и кавалерии возможность смять этот фланг справа. Даже лучший кубик из стакана, упавши он правильно, не спасет положение. Если усилить правый фланг, человек возобновит атаку на левом. Если усилить левый – падет правый.

Вол'джин выронил стакан в руку Тиратана.

– Спасибо. За мою честь.

Человек поставил стакан на стол.

– Я знаю, что ты делал. Я бы победил, но я бы победил ученика, которому позволил совершить страшную ошибку. Так что победил бы ты. И ты победил – потому что заставил меня действовать по твоей прихоти.

«А должно быть как-то иначе, человечесье отродье?» – Вол'джин прищурился.

– Ты выиграл. Ты меня разгадал. Я проиграл.

Тиратан покачал головой и вернулся на место.

– Тогда мы оба проиграли. Нет, это не игра слов. Они наблюдают. Я разгадал тебя. Ты разгадываешь меня. Они разгадывают нас обоих. Они смотрят, как мы сыграли и как играем друг с другом. А Тажань Чжу разгадывает их всех и то, как они разгадывают нас.

По спине Вол'джина пробежал холодок. Он кивнул. Тролль надеялся, что этот момент останется незамеченным, но он знал, что Тажань Чжу обратит внимание. Впрочем, достаточно уже того, что человек заметил, и на миг два чужака объединились.

Голос Тиратана упал до шепота, пока он собирал кубики обратно в стаканы:

– Пандарены привыкли к туману. Они видят его насквозь и сами невидимы в нем. Они стали бы ужасной силой, не будь так уравновешены и озабочены балансом. В нем они обретают мир и покой и – по уважительной причине – не торопятся этого мира лишиться.

– Они наблюдают. Следят за нашим балансом.

– Им бы хотелось увидеть в нас баланс, – Тиратан покачал головой. – С другой стороны, возможно, Тажань Чжу хочет знать, как разбалансировать нас настолько, чтобы мы уничтожили сами себя. И я боюсь, что это знание дастся ему слишком просто.

Той ночью видения насмехались над Вол'джином. Он оказался среди бойцов, и знал каждого из них. Темный охотник собрал их для последнего нападения на Залазана, чтобы покончить с его безумием и освободить острова Эха для Черного Копья. Каждый из бойцов перенял свойства кубика дзихуи, грани с максимальной силой. Брандера среди них не оказалось, но это не удивило Вол'джина – брандером был он

сам, но еще не перевернутым до значения максимальной силы. Этот бой, хоть и отчаянный, был не тем, где он уничтожит сам себя. При помощи Бвонсамди они сразят Залазана и отобьют острова Эха.

Кто ты такой, тролль, чтобы помнить об этом героическом побоище?

Вол'джин обернулся, услышав стук кубика, ложившегося новой гранью. Он почувствовал себя пойманным в этом кубике, пусть и прозрачном, и с изумлением увидел, что ни на одной его грани не обозначено достоинство.

Я Вол'джин.

В сером мире из кружащихся туманом стен материализовался Бвонсамди.

И кто такой этот Вол'джин?

Вопрос потряс его. Вол'джин из видения был предводителем Черного Копья – но его больше нет. Возможно, вести о его гибели еще не достигли Орды, но скоро достигнут. В глубине души Вол'джин надеялся, что его союзники задержатся, и Гаррош лишний день будет сомневаться в успехе своего плана.

Но это не отвечало на вопрос. Он больше не предводитель Черного Копья, если говорить по правде. Возможно, собравшись когда-нибудь признают его вновь, но сейчас Вол'джин не мог отдавать приказы. Его племя будет сопротивляться Гаррошу и любым попыткам Орды его покорить, но в отсутствие своего вождя может прислушаться к послам, предлагающим

защиту. Возможно, он уже их потерял.

«Кто я?»

Вол'джин содрогнулся. Хотя он считал себя лучше Тиратана Кхорта, человек хотя бы стоял на ногах и не носил балахон больного. Человека не предал соперник, не наслал на него убийц. Человек явно перенял некоторые обычаи пандаренов.

И все же Тиратан колебался, когда не стоило этого делать. Отчасти он играл, чтобы пандарены его недооценивали, хотя Вол'джин видел человека насквозь. Но другие моменты – например, когда он заколебался после комплимента Вол'джина его ходу, – они были настоящими.

«А не те, какие человек позволяет себе показывать».

Вол'джин поднял взгляд на Бвонсамди.

Я есть Вол'джин. Ты знаешь, кем я был. Кем я буду? Этот ответ может найти лишь Вол'джин. И пока что, Бвонсамди, этого достаточно.

Возможно, Вол’джин не совсем понимал, кто он, но точно знал, кем не является. Мало-помалу он заставлял себя подниматься с постели. Он снимал покрывало – специально складывая его аккуратно, хотя хотелось просто сбросить, – и затем опускал ноги.

В первый раз ощущение холодного камня под ступнями удивило тролля, но потом из этого ощущения он черпал силу. С ним Вол’джин пересилил боль в ногах и в натянувшихся швах на ранах. Держась за прикроватный столик, он поднял себя и встал.

С шестой попытки получилось. Правда, на четвертой разошлись швы на животе. Он отказался признавать этот

факт и отмахнулся от монахов, привлеченных темнеющим пятном на его рубахе. Вол'джин подумал, что придется извиниться перед Тиратаном за лишний труд, но попросил монахов отложить переодевание.

Это он сделал, когда уже снова лег. После того, как все-таки поднялся на ноги и простоял, казалось, целую вечность. Пятно солнечного света из окна не сдвинулось на полу даже на длину жука, показывая истинное время, но все же, Вол'джин стоял. Это была победа.

Как только монахи снова закрыли рану и перевязали ее, Вол'джин попросил таз с водой и щетку. Он взял рубаху и, как смог, отскоблил кровавое пятно. Это оказалось утомительно, но он был настроен отчистить его, пусть даже мышцы горели от напряжения.

Тиратан ждал, пока движения Вол'джина не замедлились настолько, что вода перестала плескаться, и тогда забрал у него одежду.

– Ты очень добр, Вол'джин, раз принял мое бремя. Я вывешу ее просушиться.

Вол'джин хотел возразить, ведь он еще видел темные очертания пятна, но хранил молчание. Он вмиг увидел новую расстановку баланса Хоцзинь и Тушуй. Он был импульсивен, а Тиратан – вдумчив, вмешался тогда и так, что это никому не стоило потери достоинства. Его поступок безмолвно признавал намерение и усилие, достиг желаемого без эгоизма и потребности в победе.

На следующий день Вол'джин встал на ноги с третьей попытки и отказывался ложиться, пока край солнечного луча не сдвинулся со стыка на каменном полу. На другой день за это время он прошел от одного конца кровати до другого и обратно. К концу недели он даже подошел к окну и выглянул во двор.

В центре него прямыми рядами выстроились пандаренские монахи. Они делали упражнения – с ослепительной скоростью сражались с тенью. Тролли не понаслышке знали о рукопашном бое без оружия, но из-за костлявого телосложения их техники не наводили на мысли о дисциплине и контроле, которые демонстрировали монахи. Кое-где по краям двора некоторые послушники сражались на мечах и копьях, тренировались с древковым оружием и луками. Всего один удар простой палкой посрамил бы штормградского воина, закованного в стальной панцирь. Вол'джин не был уверен, что успевал бы следить за движениями расплывающегося в глазах оружия, если бы не солнечные блики на заточенных кромках.

И там же, на ступенях, подметал снег Чэнь Буйный Портер. Двумя ступенями выше тем же самым занимался настоятель Тажань Чжу.

Вол'джин прислонился к оконной раме. «Какие были шансы, что я увижу главу монастыря за черной работой?» Он решил, что становится рабом привычки, всегда вставая в одно и то же время. «Это должно измениться».

Но это же значило, что Тажань Чжу не только знал, чем занимается Вол'джин, но и предугадал время, когда он доберется до окна. Тролль не сомневался, что, спроси он Чэня, как часто Тажань Чжу подметает снег, то узнает, что только сегодня и только в это время. Темный охотник бросил взгляд в сторону и увидел нескольких монахов, не обращающих на него внимания, – это означало, что они следили за его реакцией, но не хотели, чтобы он это заметил.

Не прошло и пяти минут после того, как Вол'джин лег обратно, как его проведаль Чэнь с маленькой миской пенной жидкости.

– Приятно видеть тебя снова на ногах, друг мой. Я давно уже хотел тебе его занести, но господин Тажань Чжу запрещал. Он думает, для тебя окажется слишком крепко. Я ответил, что тебя так просто не убьешь. В смысле, ты же здесь, верно? Итак, ты попробуешь первым. Ну, после меня, – Чэнь улыбнулся. – Мне же все-таки надо было сварить его так, чтобы это тебя не убило.

– Ты добр.

Вол'джин поднес миску к носу и принялся. У напитка был крепкий аромат с древесными нотками. Тролль отпил и обнаружил, что он не сладкий и не горький, но яркий и насыщенный. На вкус он был как джунгли после дождя, когда пар поднимается от растительности и объединяет все вокруг. Вкус напомнил об островах Эха, и от этого осознания в горле едва не встал ком.

Вол'джин заставил себя проглотить, потом кивнул, а напиток горел в животе.

– Очень хорошо.

– Спасибо, – Чэнь опустил глаза. – Когда мы тебя сюда доставили, ты выглядел очень скверно. Путешествие было тяжелым. Нам говорили, что мы похороним тебя на этой горе. Но я шептал тебе в ухо – в здоровое, не то, что помогла зашить Ли Ли, – что если ты вытянешь, я приготовлю для тебя что-нибудь особенное. Я отложил в укромный карман сумки пару пряностей, пару цветов с твоей родины. На память. И использовал их в приготовлении эля. Я назвал его «Выздоровливай».

– Мое выздоровление – твоя заслуга.

Пандарен поднял глаза.

– Партия была маленькой, Вол'джин. Я быстро справился. Выздоровление займет намного дольше.

– Я выздоровею.

– Почему я и начал новую партию под названием «Праздник».

То ли благодаря рецепту Чэня, то ли благодаря сложению Вол'джина, чистому горному воздуху или терапии, которой его подвергли монахи, – то ли из-за всего вместе взятого, – но через несколько недель Вол'джин удивительно быстро пошел на поправку. Каждый день, стоя в ряду с монахами, он кланялся их учителю, а затем бросал взгляд на окно, из ко-

торого ранее за ними наблюдал. Тогда тролль едва мог поверить, что присоединится к ним, и все же теперь он так хорошо себя чувствовал, что едва помнил, кем был тогда у окна.

Монахи, принявшие его в свои ряды без лишних слов или особой озабоченности, называли его Вол'цзинь. Почему-то это имя давалось им легче, но тролль знал, что есть и другая причина. Чэнь объяснил, что у слова «цзинь» много значений, и все касаются величия. Сперва монахи так описывали его неповоротливость и неуклюжесть, а затем – отмечали скорость обучения.

Не будь они такими рьяными учителями, он бы с презрением отнесся к их неуважению. Он – темный охотник. Хотя навыки монахов были значительны, ни один не мог и представить, через что тролль прошел, чтобы стать темным охотником. Монахи сражались, воплощая баланс, но темные охотники покоряли хаос.

Его голод к знаниям и быстрое овладение мелочами сподвигли пандаренов показывать ученику все более и более сложные техники. Теперь, когда сила Вол'джина росла, а тело понемногу возвращало себе способность излечиваться от порезов и синяков, единственное, что его ограничивало – нехватка выносливости. Вол'джину хотелось бы винить в этом разреженный горный воздух, но человеку проблемы с дыханием не мешали.

Тиратана ограничивало иное. Он все еще хромал, хоть и не так сильно, как раньше. Он пользовался тростью и часто

тренировался с монахами, которые обучались бою на палках. Вол'джин заметил, что в разгар тренировки его хромота пропадала. Только под конец, когда Тиратан мог передохнуть и снова прийти в себя, она возвращалась.

Еще человек наблюдал за монахами с луками. Нужно было быть слепым, чтобы не заметить, как ему самому хочется стрелять. Он оценивал монахов, наблюдал за их стрельбой, удрученно кивая, когда они промахивались, или сверкая улыбкой, когда они рассекали стрелу, уже сидящую в мишени.

Теперь, когда Вол'джин был достаточно здоров, чтобы тренироваться, он перебрался в маленькую строгую келью на восточной стороне монастыря. Простота жилища – циновка, низкий столик, раковина и кувшин, а также два крючка для одежды – несомненно, должны были не давать отвлекаться. В голых стенах монахам было проще собраться с мыслями и обрести покой.

Вол'джин обнаружил, что это напоминает ему о Дуротаре – хоть здесь и было значительно холоднее. Жилье в келье оказалось ему не в тягость. Постель он устроил там, где его будил первый луч зари. Тролль занимался работами в монастыре наравне со всеми, затем съедал простой завтрак перед утренними занятиями. Он отмечал, что в его рацион входит больше мяса, чем у монахов, что имело смысл, учитывая его состояние здоровья.

Утро, день и вечер шли по одному распорядку: дела, еда

и тренировки. Тренировки Вол'джина вращались вокруг силы и гибкости, обучения бою и познания своих физических пределов. Во второй половине дня тролль получал более индивидуальное обучение – снова со сменяющейся компанией монахов, потому что большинство из них посещало занятия. Они воссоединялись на физических упражнениях вечером, которые уже состояли, в основном, из растяжки и подготовки к крепкому ночному сну.

Монахи оказались хорошими учителями. Вол'джин наблюдал, как пандарены разбивают десяток досок одним ударом, и с нетерпением ждал, когда ему самому позволят попробовать проделать нечто подобное, потому что знал, что сможет. Но когда для него пришло время этого упражнения, вмешался настоятель Тажань Чжу. Вместо досок перед троллем поставили камень толщиной в дюйм.

«Вы смеетесь надо мной?»

Вол'джин пригляделся к монаху, но не заметил подвоха. Впрочем, это не значило, что его не было – бесстрастное выражение лица пандарена могло скрывать что угодно.

– Вы хотите, чтобы я ломал камень. Другие ломают дерево.

– Другие не верят, что могут расколоть дерево. Ты веришь, – Тажань Чжу показал на щель за каменной плитой. – Отправь свои сомнения туда. Добей до них.

«Сомнения?»

Вол'джин оттолкнул эту мысль, потому что она отвлекала.

Ему бы хотелось ее проигнорировать, но вместо этого он сделал так, как посоветовал монах. Тролль представил сомнения в виде переливающегося сине-черного шара, разбрасывающего искры. Дал ему пролететь сквозь камень, чтобы зависнуть под ним. Затем приготовился, сделал глубокий вдох и резко выдохнул. Вогнав кулак в камень, Вол'джин раскрошил его, но не остановился, размазав и маленький шарик сомнений. Он мог бы поклясться, что не чувствовал сопротивления, пока не достал до шарика. Камень был ничем – хоть Вол'джин и стряхнул его пыль со своей шкуры.

Тажань Чжу уважительно поклонился.

Вол'джин ответим тем же, задержавшись в поклоне дольше, чем обычно.

Другие монахи поклонились вслед уходящему настоятелю, затем поклонились Вол'джину. Тролль ответил и им, и затем заметил, как снова сменилось их ударение на «цзинь».

Лишь позже, вечером, сидя в одиночестве в своей келье, прислонившись спиной к холодному камню, Вол'джин позволил себе осознать хоть что-то из того, чему научился. Его рука не распухла и не онемела – и все же он до сих пор чувствовал, как сокрушает кулаком сомнения. Тролль размял пальцы, глядя, как они двигаются и радуясь, что к нему вернулись все ощущения.

Тажань Чжу правильно назначил целью сомнения. Сомнения уничтожали души. Какое здравомыслящее существо бу-

дет действовать, сомневаясь в успехе? Сомневаться, что он может пробить камень, значило признать, что его рука может не выдержать: кости – треснуть, кожа – порваться, а кровь – вытечь. И, задумайся он об этом, разве был бы какой-то другой исход? Этот конец стал бы его целью; следовательно, он бы преуспел и достиг этой цели. Тогда как, будь его целью уничтожить сомнение, и достигни он этой цели, что для него осталось бы невозможного?

На ум вновь пришел Залазан – не видением, а чередой воспоминаний. Сомнения разрушили его душу. Лучшие друзья, юные тролли росли вдвоем. Поскольку отцом Вол’джина был Сен’джин, вождь Черного Копья, он всегда считался лидером в этой паре – но только не для себя самого. И Залазан об этом знал; они часто со смехом обсуждали невежество тех, кто одного принимал за героя, а второго – за отстающего во всем компаньона. Даже когда Вол’джин задумал стать темным охотником, Залазан пошел в знахари-подмастерья мастера Гадрина. Сам Сен’джин поддерживал Залазана, и нашлись в племени те, кто считал, будто его готовят в преемники вождя, тогда как Вол’джину уготованы более великие дела.

Но даже здесь тролли обманывались, ибо оба юноши верили в мечту Сен’джина о родине для Черного Копья. О месте, где можно процветать без страха, без постоянно осаждающих врагов. И даже смерть Сен’джина от перепончатых лап мурлоков не смогла погубить эту мечту.

Где и когда в душу Залазана проползло сомнение? Возможно, всему виной стало осознание того, что Сен'джин, могущественный знахарь, умер так просто. Возможно, другу детства слишком часто приходилось слышать, будто Вол'джин – герой, а он, Залазан, – лишь его компаньон. А возможно, причиной было нечто, чего Вол'джин не мог бы даже предположить. Как бы то ни было, Залазан неистово устремился на поиски могущества.

И могущество свело его с ума. Залазан поработил большую часть племени Черного Копья, превратив их в безмозглых рабов. Вол'джин сбежал с некоторыми из них, а затем вернулся с союзниками из Орды, чтобы освободить острова Эха. Он возглавил войска, которые убили Залазана, он чувствовал брызги крови старого друга, слышал его последний вдох. Ему хотелось думать, что в этот последний момент, в последней искре, что он видел в глазах Залазана, тот стал прежним и был рад освободиться от своего бремени.

«Как, надеюсь, будет и с Гаррошем».

Занимающий высокое положение, благодаря своему отцу, но едва ли почитаемый за собственные поступки, Гаррош навел страх на многих. Он узнал, что страх – действенный хлыст, чтобы держать подчиненных в узде. Но не все ежились от его щелчка.

«Не я».

Гаррош чувствовал, что своим положением больше обязан памяти отца, чем собственным заслугам, и потому со-

мневался в нем. А если он считал себя недостойным, то так думали и остальные.

«Так считал я, о чем ему прямо и сказал».

Сомнения можно скрывать, но тогда любой становится потенциальным врагом. А единственный способ устранить этих врагов – покорить их.

И все же, все завоевания в мире не заглушат голос в голове, который твердит: «Да, но ты – не твой отец».

Вол’джин вытянулся на циновке.

«У моего отца была мечта. Он разделил ее со мной. Он сделал ее своим наследием, и мне повезло, что я понял ее. Благодаря этому я могу ее воплотить. Благодаря этому я могу познать покой».

Троль произнес в пустоту:

– Но Гаррош никогда не познает покоя. А значит, не познает никто.

С юга принесло бурю – с завывающими ветрами, темными тучами и косо метущим снегом, да таким, что жалит кожу. Метель налетела быстро. Вол’джин проснулся из-за солнца, но не успел закончить дела – в данном случае, протирать от пыли шкафы, где хранилось множество древних свитков, – как температура упала, воздух потемнел, и буря завизжала так, будто на монастырь напали демоны.

Вол’джин немного знал, что такое метели, поэтому не паниковал. Старшие монахи обследовали монастырь, отправляя всех в обширную столовую. Пандарены столпились в месте для собраний. Будучи выше всех, Вол’джин легко видел, как монахи пересчитывают собравшихся по головам. У него

появилась мысль, что такая бешеная пурга может ослепить и запутать. Потеряться в этой буре значит погибнуть.

К своему стыду, Вол'джин не заметил того, о чем Чэнь сказал прежде, чем подсчет был окончен:

– Тиратана нет.

Вол'джин бросил взгляд на пик горы.

– Он не выйдет в такую сильную бурю.

Тажань Чжу поднялся на помост.

– Есть лощина, где он часто останавливается передохнуть.

Она выходит на север и защищена от ветра. Но Тиратан не знал, что надвигается буря. Мастер Буйный Портер, наполняйте бочку своим напитком выздоровления. Первый и второй дома – организуйте поиски.

Вол'джин поднял голову.

– А что делать мне?

– Вернись к своим обязанностям, Вол'джин, – Тажань Чжу произносил его имя без «цзинь». – Ты ничего не можешь сделать.

– Эта буря его убьет.

– Она убьет и тебя. Быстрее, чем его, – старший пандарен хлопнул в ладоши, и его подчиненные разбежались. – Ты мало знаешь о таких бурях. Ты можешь расколоть камень, но буря расколется тебя. Она высосет твоё тепло и твою силу. И тебя придется принести обратно раньше, чем мы найдем его.

– Я не могу стоять в стороне...

– ...и ничего не делать? Хорошо, тогда я дам тебе тему для

размышлений, – ноздри пандарена раздулись, но голос оставался ровным и безэмоциональным. – Подумай, стремишься ли ты спасти человека или остаться в своих глазах героем? Я ожидаю, что ты протрешь много полок, прежде чем найдешь ответ.

В душе Вол’джина ревела ярость, но он не дал ей выхода. Настоятель дважды сказал правду – попал точно в цель, как лучники под его командованием. Метель убьет Вол’джина. Она бы могла его убить, даже будь тролль совершенно здоров. Среди племени Черного Копья никогда не было тех, кто хорошо переносил холод.

Что важнее – и этот выстрел проник куда глубже, – Та-жань Чжу правильно понял, почему Вол’джин рвался участвовать в спасении человека. Не столько из-за заботы о благополучии Тиратана Кхорта, сколько ради себя. Он не хотел отсиживаться, когда опасность требовала действий. Это говорило о слабости, в которой тролль не желал признаваться. А если бы Вол’джин спас Тиратана, то и он сам, и его физическое состояние превзошли бы человека по всем показателям. Человек видел его слабым – и это корбило.

Вернувшись к уборке, Вол’джин осознал, что чувствует себя обязанным человеку, и это его не устраивает. Тролли и люди были верны только одному чувству по отношению друг к другу – ненависти. Вол’джин убил столько людей, что даже не трудился вести счет своим победам. То, как Тиратан его изучал, говорило, что и охотник убил немало троллей. Они

прирожденные враги. Даже здесь пандарен держал их потому, что из-за своей полной противоположности они уравнивали друг друга.

«И все же что я получал от этого человека, кроме добра?»

Отчасти Вол'джин хотел отместить эту мысль как слабость. Все это прислуживание – из страха. Тиратан надеялся, что, когда Вол'джин выздоровеет, он не убьет человека. Хотя представить, что это правда, было легко – и несть числа троллям, кто поверил бы этому, словно услышав из уст лоя, – Вол'джин не мог это принять. Быть может, Тиратану и поручили уход за ним, но доброта, проявленная тогда в случае с запачканной кровью рубахой, не присуща слугам, исполняющим свой долг.

Это было нечто большее.

«Это достойно уважения».

Вол'джин закончил с верхними полками и перешел к нижним, когда вернулись поисковые группы. Судя по возбужденным голосам, все завершилось успешно. За дневной трапезой Вол'джин искал взглядом сперва Тиратана, затем Чэня и Тажаня Чжу. Когда не увидел их, обратил внимание на целителей. Троль заметил одного или двух, но те лишь быстро хватали еду и снова исчезали.

Буря заволокла гору, и это означало мрачный и темный день, чье завершение вновь ознаменовали тьма и холод. Когда обитатели монастыря собирались на вечернюю трапезу, молодая монахиня нашла Вол'джина и привела в лазарет.

Его ждали Чэнь и Тажань Чжу – у обоих был невеселый вид.

Тиратан Кхорт лежал в постели, его лицо посерело, но на бровях выступил пот. Несколько толстых одеял укрывали человека до самого горла. Он бился под ними, правда так слабо, что покрывала сковывали его движения. В Вол'джине вспыхнуло сочувствие.

Настоятель ткнул в сторону Вол'джина пальцем.

– Вот задание, которое ты исполнишь. Впрочем, можешь отказаться, и тогда он умрет. Но прежде, чем в твоём разуме поселилась недостойная мысль, я скажу тебе так: если ты откажешься, то умрешь так же неминуемо. Не от моих рук и не от рук кого-то из монахов. Просто то, что ты разбил за камнем, вернется в твою душу и убьёт тебя.

Вол'джин опустился на одно колено и пригляделся к Тиратану. Страх, ненависть, стыд – эти и многие другие чувства мелькали на его лице.

– Он спит. Он видит сны. Что я могу сделать?

– Вопрос не в том, что ты можешь сделать, тролль, а в том, что ты *обязан* сделать, – Тажань Чжу медленно выдохнул. – Вдали отсюда, на юго-востоке, стоит храм. Один из многих в Пандарии, но он и его собратья особенные. В каждом император Шаохао в мудрости своей заключил одного ша. Ша схожи природой с вашими лоа. Они воплощают свойства разума – самые темные. В Храме Нефритовой Змеи император заточил Ша Сомнения.

Вол'джин нахмурился.

– Не бывает духа сомнения.

– Нет? Тогда что ты уничтожил своим ударом? – Тажань Чжу сложил лапы за спиной. – У тебя есть сомнения, у всех нас есть сомнения, и ша ими пользуются. Благодаря им они резонируют в нас, парализуют, убивают душу. Мы, Шадо-пан, тренируемся, как ты теперь понимаешь, чтобы справляться с ша. К сожалению, Тиратан Кхорт столкнулся с ними раньше, чем был готов.

Вол’джин снова поднялся.

– Что я могу сделать? Что я обязан сделать?

– Ты из его мира. Ты понимаешь этот мир, – Тажань Чжу кивнул на Чэня. – Мастер Буйный Портер приготовил зелье из средств в нашей аптеке. Мы зовем его вином памяти. Его пригубишь и ты, и человек, и тогда ты войдешь в его сны. Как порою лоа действуют через тебя, так ты будешь действовать через него. Ты уничтожил свои сомнения, Вол’джин, но человека они все еще мучают. Ты обязан найти их и изгнать.

Троль прищурился.

– А вы не можете?

– Думаешь, если бы я мог, то доверил бы это дело тому, кого не назовешь даже послушником?

Вол’джин склонил голову.

– Конечно.

– Одно предостережение, троль. Пойми: всё, что ты увидишь и переживешь, – не настоящее. Это лишь память человека о случившемся. Если бы ты поговорил со всеми уце-

левшими в битве, то не услышал бы две похожих истории. Не стремись понять его воспоминания. Найди его сомнения и выкорчуй их.

– Я знаю, что делать.

Монахиня и Чэнь подтащили вторую кровать, но Вол’джин лишь отмахнулся и вытянулся прямо на каменном полу рядом с ложем Тиратана:

– Лучше помнить, что я тролль.

Он взял деревянную миску из лапы Чэня. Темная жидкость казалась маслянистой и обжигала, как крапива. Она быстро кисла на языке, не считая мест, онемевших из-за резких танинов¹. Вол’джин в два глотка осушил все вино памяти, затем откинулся навзничь и закрыл глаза.

Тролль думал, что ощущения будут похожи на те, что он испытывал, обращаясь к лоа, но обнаружил характерный пандарийский пейзаж – зеленых и теплых серых оттенков, хоть в нем и мелькали хлопья снега. Там стоял Тажань Чжу – немой призрак, правой лапой указывающий на темную пещеру. В ту же сторону вели следы пандарена, которые обрывались у входа.

Вол’джин извернулся боком и пригнулся, чтобы протиснуться внутрь. Каменные стены сжимались. На миг он испугался, что не справится. Затем – ощущая, будто шкура рвет-

---

¹ Танины – группа соединений растительного происхождения, содержащихся в растениях, семенах, коре, древесине, листьях и коже плодов. Они обладают дубильным эффектом и создают ощущение горечи, терпкости и вязкости на языке. *Здесь и далее – примеч. ред.*

ся на плечах, – тролль понял, что у него получилось.

И чуть не закричал.

Вол’джин смотрел на мир глазами Тиратана Кхорта, и мир этот был слишком ярким, слишком зеленым. Он поднял руку, чтобы прикрыть глаза, и его охватило изумление. Руки были слишком короткими, тело – шире, но все же слабее. Идти Вол’джин мог лишь маленькими шажочками. Куда бы он ни глянул, везде затачивали мечи и поправляли броню мужчины и женщины в синих с золотом форменных табардах Штормграда, а на них с почтением взирали рекруты из цзинь-юи.

Перед Вол’джином появился молодой солдат и, отсалютовав, сообщил:

– Полководец требует вашего присутствия на холме, сэр.

– Благодарю, – Вол’джин подчинился памяти, привыкая к ощущению человеческого тела. Тиратан носил свой лук на спине. Тетива шлепала по правому бедру. Кое-где похрустывала кольчуга, но в основном он был одет в кожу. Все части доспехов он собрал из собственноручно убитых зверей. Он сам выдубил и сшил кожи, не доверяя ничего другим мастерам.

Вол’джин улыбнулся, узнавая эти чувства.

Тиратан легко взбежал по холму, не оставив у Вол’джина сомнений насчет того, почему человеку так нравилось проводить время на горе. Остановился он перед крупным мужчиной с густой бородой. Доспехи полководца ослепительно

блестели, а на белизне табарда не было ни намека на кровь.

– Вы меня вызывали, сэр?

Человек – Болтен Ванист – показал на долину под ними.

– Вот наша цель. Змеиное Сердце. Кажется мирным, но я не дурак, чтобы этому верить. Я отобрал дюжину бойцов из своих войск – лучших из охотников. Отправляйтесь на разведку и доложите об увиденном. Не хочу попасть в засаду.

– Так точно, сэр, – Тиратан резко взмахнул рукой, отдавая честь. – Мой доклад будет у вас через час, самое большее – два.

– Три, если он будет всесторонним, – полководец тоже отдал ему честь и отпустил.

Тиратан поспешил прочь, а Вол’джин запоминал каждое ощущение. Пока они спускались по тропе с каменистого холма, тролль замечал моменты для прыжков, которые человек делать отказывался. Он искал в этом выборе сомнение, но находил только уверенность. Тиратан хорошо знал себя, и там, где троллю было бы не о чем волноваться, человек сломал бы ногу или подвернул лодыжку.

Вол’джина удивила хрупкость человеческого тела. Он всегда радовался ей – так только проще ломать людей, – но сейчас задумался. Враги знали, что смерть наступит быстро, и все же сражались, исследовали, и смелости у них оказывалось в достатке. Как будто смертность была для них таким знакомым фактом, что они легко ее принимали.

Когда Тиратан прибыл к отряду из двенадцати таких же,

как он, охотников, Волджин отметил, что у него нет животного-спутника. У остальных были, намекая на их странствия по свету: рапторы и черепахи, гигантские пауки и кровососущие нетопыри – люди выбирали себе компаньонов по недоступной для понимания Волджина логике.

Точным языком жестов Тиратан раздал солдатам приказы, затем разбил их на мелкие группки.

«Прямо как кубики в дзихуи».

Свою собственную группу он повел в обход на юг, к самой дальней цели. Двигались они быстро и тихо – равные в скрытности монахам-пандаренам с их бархатной поступью. Тиратан наложил на тетиву стрелу, но не натягивал лук.

Когда с запада раздался крик, реальность изменилась. Волджин оказался бы сбит с толку, не знай он сражения изнутри и то, как они изменяют восприятие. Время замедлялось, пока катастрофа начиналась, а затем ускорялось, когда та разразилась. Можно целую вечность наблюдать, как стрела летит в твоего друга, а его жизнь выплеснется наружу алым фонтаном всего лишь в одно мгновение.

Там, где секунду назад не было никаких врагов, отряд теперь оказался атакован легионом противников. Среди людей носились странные духи, касаясь, раздирая, вырывая из них крики, прежде чем вскрыть кричащие глотки. Животные рычали и ревели, кусали и кромсали, но их захлестнула волна и разорвала на части.

И все же Тиратан старался сохранять спокойствие. Он вы-

пускал стрелу за стрелой, натягивая тетиву с плавной мощностью. («О, монахи, будут посрамлены, возьми он лук». Вол'джин не сомневался, что Тиратан стрелял достаточно быстро и точно, чтобы расколоть стрелу монаха раньше, чем та достигнет цели.)

Затем упала женщина – темноволосая, гибкостью не уступавшая сопровождавшей ее кошке. Тиратан закричал, метнулся к женщине, на бегу стреляя в нападавших на нее ша. Убил одного, второго, но тут под ногу ему попал камень, и третья стрела ушла в сторону.

Со своей точки зрения Вол'джин знал, что, даже окажись выстрел точным, он ничего бы не изменил. Остекленевшие глаза на лице, превратившемся в красную маску, остановились на них. Кровь хлестала, а табард пил ее, пил всю до капли. Если что-то и стоило запомнить о смерти охотницы, так это то, как легко лежала рука на широкой голове ее животного.

Тиратан припал на колени, затем что-то с силой ударило его в бок. Лук вылетел из рук, а его владелец взмыл в воздух и ударился о каменного змея левой ногой, чуть ниже бедра. Кость хрустнула, обжигая серебристой болью все тело. Человек дернулся один раз, перекатился и замер. Лицом к мертвой женщине.

«Если бы не я, ты была бы жива».

Вот он – корень сомнений. Вол'джин опустил взгляд и увидел черную нить, оканчивавшуюся острым шипом. Она

пронзила Тиратана насквозь, чуть-чуть промахнувшись мимо сердца, и, вырвавшись из спины, изготовилась ко второму удару, словно ядовитая змея.

И тогда Вол'джин протянул свою нематериальную руку, поймав эту мерзость сразу под шипом, как змею – ниже головы. Ласковым движением большого пальца он обезглавил ее, а затем оторвал длинный кусок тела.

Остаток нити быстро и глубоко погрузился в Тиратана, туго затянулся на его сердце и начал давить. Тело человека напряглось, спина изогнулась, но обрывку не хватало сил. Тогда он извернулся и пробрался в хребет жертвы, оседлал ее боль и поплыл на ней прямо в мозг.

Там он и ужалил, вырвав из горла человека душераздирающий вопль. Образ Тиратана в глазах Вол'джина исчез, как отражение, проглоченное воронкой. Весь окружающий свет истек в черную дыру, а обратно изверглось серебряное страдание, шокируя как человека, так и тролля.

С лицом, мокрым от пота, Вол'джин дернулся, шаря по телу в поисках ран. Схватился за бедро, ощущая, как угасает боль от перелома. Охнул, затем посмотрел на Тиратана на кровати.

На его кожу вернулся намек на румянец. Дышал человек легче, и с одеялами больше не боролся.

Вол'джин пригляделся. Все еще намного слабее и куда более хрупкий, чем мог раньше представить тролль, внутри че-

ловек был сделан из стали, и эта сталь поможет ему восстановиться. Отчасти Вол'джин ненавидел его за это, понимая, что данная черта присуща многим людям. Это беда для троллей. И все же, одновременно, он восхищался Тиратаном из-за силы духа, требующейся для такой борьбы со смертью.

Троль поднял взгляд на настоятеля Тажаня Чжу.

– Что-то от меня сбежало. Я не смог поймать всё.

– Этого оказалось достаточно, – торжественно кивнул монах-пандарен. – И пока что должно хватить.

Буря прекратилась вместе с лихорадкой Тиратана, навевая Чэня на мысль, что эта погода была в чем-то сверхъестественной по своей сути. Мысль казалась зловещей, но не задержалась надолго. Она не нашла опоры в сердце, ибо еще падала последняя снежинка, а Чэнь уже видел признаки того, что снежные лилии вырвутся к солнечному свету из-под морозного полога. Не может быть, чтобы нечто поистине злое это допустило.

Тажань Чжу не стал выносить собственного вердикта о происхождении бури, но отрядил монахов на юг, запад и восток, чтобы оценить ущерб. Чэнь вызвался добровольцем в третий отряд, поскольку в этом случае мог бы попасть к Хра-

му Белого Тигра. Там он сможет повидать племянницу и узнать, как она поживает. Тажань Чжу позволил ему отправиться и пообещал, что Тиратану в его отсутствие обеспечат наилучший уход.

Чэнь был рад оставить монастырь – путешествия подпитывали его жажду странствий. Хмелевар не сомневался, что большинство монахов объясняли его готовность спуститься с горы только этим. Эта мысль укладывалась в их мировоззрение и представление о том, что обитатели Шэнь-Цзынь Су по своей натуре разбалансированы и больше склоняются к Хоцзиню.

Чэнь не стал бы спорить, что любит путешествовать и исследовать новые места. У иных так и чешутся ноги, чтобы отправиться в путь – из-за страха застрять на одном месте. Но не у Чэня. Он повернулся к своей спутнице и улыбнулся.

– Мне просто кажется, что каждый раз, когда я иду дальше, то освобождаю место для отдыха и наслаждения кому-то другому.

Ялия Мудрый Шепот удостоила его озадаченным выражением лица, не лишенным, однако, веселости.

– Мастер Буйный Портер, у нас опять разговор, в первой половине которого я не участвовала?

– Мои извинения, сестра. Иногда мысли носятся в голове и просто выпадают наружу, как кубики дзихуи. Никогда не знаешь, какой гранью, – Хмелевар указал на монастырь, скрывшийся за пеленой туч. – Мне очень даже нравится мо-

настырь.

– Но вы бы не смогли остаться в нем навсегда?

– Нет, не думаю, – Чэнь нахмурился. – Мы уже вели этот разговор?

Она покачала головой.

– Порою вы, мастер Буйный Портер, замираете, пока подмываете или смотрите, как человек уходит на свою тропу вверх по горе, и словно теряетесь. Вы смотрите в какие-то дали – прямо как когда готовите напиток.

– Вы это заметили? – сердце Чэня забилось быстрее. – Вы за мной наблюдаете?

– Трудно не обратить внимания, когда в ком-то так ярко сияет любовь к новым начинаниям. – Взгляд пандаренки искоса задержался на нем, и к взгляду присоединилась улыбка. – Хотите знать, что я вижу, когда вы работаете?

– Для меня честь услышать ваши мысли.

– Вы становитесь линзой, мастер Буйный Портер. Вы знакомы с миром – миром за пределами Пандарии – и вы фокусируете свои знания на деле. Взять, например, напиток выздоровления, который вы сварили для тролля. Есть пандарены-хмелевары, которые бы провели варку с тем же мастерством. Возможно, и с бóльшим. Однако нехватка опыта привела бы их к неудаче – они не знают, чего добавить в напиток, чтобы оздоровить тролля, – она опустила взгляд. – Боюсь, я выражаюсь непонятно.

– Нет, я понимаю, благодарю, – Чэнь улыбнулся. – Все-

гда поучительно увидеть себя чужими глазами. Вы, конечно, правы. Просто я никогда не считал это фокусировкой. Для меня это развлечение, мой подарок другим. Когда я заварил чай для вас и настоятеля Тажания Чжу, я хотел показать свою признательность и поделиться частичкой себя. По вашим словам, выходит, я делился частичкой мира.

– Это так. Благодарю, – монахиня кивнула, пока они медленно спускались в долину, окруженную лоскутным одеялом далеких деревень и возделанных полей. – Это ваше замечание намекает на иной мотив для путешествия, нежели погоня за черепахой или желание повидаться с племянницей. Я права?

– Да, – Чэнь наморщил лоб. – Сумею я его определить, я бы не бежал от него. Я и сейчас не бегу по-настоящему. Мне просто нужна...

– ...другая точка зрения.

– Точно, – он быстро кивнул с удовольствием от того, что она сняла слово у него с языка. – Я присматривал за физическим восстановлением Волджина и Тиратана Кхорта. Они выздоравливают. По крайней мере, телом. Но у каждого остались раны. Я не вижу...

Ялия обернулась и положила лапу ему на плечо.

– Не ваша вина, что вы не видите. Что бы эти двое ни прятали, они прячут это умело. И даже если бы вы увидели, то не смогли бы показать им. В этом исцелении можно только поддерживать, а не заставлять, и иногда целителю бывает

больно ждать.

– Вы говорите по своему опыту? – Чэнь перескочил небольшой ручей, и Ялия стремительно пробралась по камням следом.

– По опыту, да. Очень редкому. Большинство наших послушников отбирают после череды испытаний, но так бывает не всегда. Вы знаете, мастер Буйный Портер, как отбирают других детенышей – самых особенных?

Хмелевар покачал головой:

– Никогда об этом не задумывался.

– Легенда гласит, что некоторым детенышам не уготовано пройти испытание Красных Лепестков. Их судьба решается совсем иначе. – Пока она говорила, ее взгляд устремился в даль, а мягкий голос стал еще мягче. – Некоторые говорят, эти детеныши, мудрые не по годам, являются младенцами по облику, но старцами по духу. Им помогают добрые путники, и легенды считают, что эти путники – сами боги. Таких детенышей принимает настоятель Шадо-пана. Их называют Ведомыми Детенышами.

Я была одной из них. Моя родная деревня Цзоучин находится на северном побережье. Мой отец был рыбаком. Ему принадлежала собственная лодка, и жил он богато. В нашей деревне было много гордых семей. Пока я росла, осознала, что меня отдадут замуж за сына другого рыбака. Трудность была в том, что кандидата было два, и каждый на полдесятка лет старше меня. Выбор обеспечил бы богатство семье, и

надо было быстро решить, на ком остановиться.

Ялия бросила на него быстрый взгляд.

– Вы должны понять, мастер Буйный Портер, что я знала, как устроен мир. Знала, что я трофей, и такова будет моя роль в жизни. Возможно, будь я постарше, то воспротивилась бы тому, что меня превращают в вещь. Но, в сравнении с тем, что я увидела дальше, это стало неважно.

– И что же вы увидели?

– Соперничество Йенки и Чинва начиналось добродушно. Они пандарены. Много разных выходок, шума и суеты, но без настоящей боли. И все же постепенно каждый заходил чуть дальше. Их поступки становились все значительнее, каждый подначивал другого сделать больше. А в их голосах слышалась желчь. – Ялия развела лапами. – Я видела то, чего не видели другие. Это дружеское соперничество становилось враждой. И пусть оно никогда не дошло бы до того, чтобы один в гневе ударил другого, каждый старался показать себя достойным меня. Они шли на ненужный риск. Глупый риск. Это бы не прекратилось после замужества, а продолжалось бы, пока кто-то из них не умер, а выживший до конца жизни носил бы в себе чувство вины. Так могли быть уничтожены две жизни.

– Три, если считать вашу.

– Это я понимаю лишь сейчас, спустя много лет. Тогда же, будучи не старше шести лет от роду, я знала только, что они умрут из-за меня. И однажды утром я собрала в дорогу

рисовые шарики и смену одежды, и ушла. Меня увидела мать моей матери. Она помогла. Укутала меня в свой любимый шарф. Она шепнула: «Жаль, я не знала о твоей смелости, Ялия». И тогда я пустилась в путь к монастырю.

Чэнь подождал продолжения, но пандаренка хранила молчание. Ее история вызывала улыбку, ведь она оказалась очень смелым – и мудрым – детенышем, чтобы сделать такой выбор и пройти такой путь. В то же время для детеныша это был ужасный выбор. В отголоске ее слов Чэнь уловил нотки боли и тоски.

Ялия покачала головой.

– Я вполне осознала иронию того, что теперь храню традиции испытания Красных Лепестков. Я, которой не пришлось выдержать этой проверки, теперь привратник, решающий, кто из надеющихся присоединится к нам. Если бы меня судили по тем же строгим критериям, которые теперь приходится применять мне самой, меня бы здесь не было.

– А должность суровой госпожи коробит вашу истинную суть, – Чэнь наклонился и ловко сорвал полную лапу желтых цветков с маленькими красными усиками. Он отломил от них стебельки и потер в пальцах. Они испустили чудесный аромат. Чэнь протянул ей лапу.

Она приняла смятые цветы в подставленные лапы и сделала глубокий вдох.

– Обещание весны.

– В Дуротаре есть похожий цветок, растущий после до-

жды. Их называют «сердечным покоем», – Чэнь провел лапами по шее и щекам. – Не тролли, конечно. Их сердца благородны, но тролли не верят, что они должны находиться в покое. Кажется, они думают, что было время покоя, но этот покой привел их к падению.

– Они позволяют ожесточенности вести себя?

– Некоторые. Даже многие. Но не Вол’джин.

Ялия высыпала желтые лепестки в маленький матерчатый кошель и затянула горловину.

– Вы хорошо знаете, что у него на сердце?

– Кажется, знал раньше, – Чэнь пожал плечами. – И кажется, знаю до сих пор.

– Тогда верьте, мастер Чэнь, что ваш друг познаёт себя не хуже, чем вы – его. Это будет первой вехой на его пути к исцелению.

Первоначальным их планом было направляться приблизительно на рассвет, затем свернуть на дорогу к Храму Белого Тигра. Однако не успели они пройти и лиги по дороге, как наткнулись на двух молодых пандаренов, возделывающих грядки с турнепсом, но при этомдвигающихся еле-еле. На деле они пользовались мотыгами и граблями скорее как костылями, нежели орудиями труда. У них был помятый вид и подавленное настроение – как у жертв ограбления.

– Мы не виноваты, – оправдывался один, поделившись с путниками кашей из вареного турнепса. – На наших полях

кишели гну-сини, вырывшиеся из земли после бури. Мы попросили помощи у путешественницы. Не успела осесть пыль после первой драки, как она уже расправилась со всеми и ждала награды. Ну, я и предложил поцелуй, а мой брат – два. Мы же на самом деле красавцы, под бинтами-то.

Второй быстро закивал, затем вскинул лапы к голове, словно от кивков та рисковала скатиться с плеч.

– Она оказалась крепкой для «дикой собаки».

Чэнь прищурился.

– Ли Ли Буйный Портер?

– И вы попались ей на пути?

Чэнь низко рыкнул и обнажил зубы, ведь так полагается поступать дяде в подобных обстоятельствах.

– Она моя племянница. И я та еще «дикая собака». Видать, у нее нашлась причина оставить вас в живых. Говорите, куда она направилась, и мне не придется решать, насколько это причина уважительна.

Парочка задрожала и едва не вывихнула лапы, тыкая на север.

– После снегов на юг приходят крестьяне, просят о помощи. Мы посылали туда еду. Мы и вам соберем в дорогу.

– Перед тем, как найти телегу и доставить туда самим еще немного пропитания?

– Да-да.

– Тогда ладно.

Чэнь помалкивал, как и братья. Ялия тоже замолкла, но

ее молчание было другим по ощущению. Доев кашу, Чэнь заварил чай и добавил в него кое-что, что поможет выздоровлению братьев.

– Отбросьте чайные листья на ткань и сделайте припарки. Хорошо от болезней.

– Да, мастер Буйный Портер, – братья из семьи Каменных Грабель низко и часто кланялись, пока путники собирались в путь. – Спасибо, мастер Буйный Портер. Всего лучшего вам и вашей племяннице в путешествиях.

Ялия нарушила молчание, когда они спускались по склону холма, потеряв ферму из виду за его гребнем.

– Вы бы не причинили им вреда.

Чэнь улыбнулся.

– Вы так хорошо меня знаете, что это не вопрос.

– Но вы их запугали.

Он развел лапы, будто чтобы охватить узкую долину с крутыми склонами. Внизу змеился ручей – синий там, где его не касалось солнце, и серебряный, где касалось. Зелень, зелень в изобилии и насыщенности вкупе с густо-бурым цветом возделанных полей так и кричали о плодородии. Даже то, как в пейзаж встраивались дома, добавляя ему красоты, а не разоряя землю, казалось невероятно правильным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.